

Андрей НЕПОМНЯЩИЙ

АКАДЕМИК И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ И КРЫМСКИЕ ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Страницы истории крымской ориенталистики

Среди выдающихся имен российских ориенталистов, связанных с изучением Крыма, до последнего времени не очерченной в русле крымоведения оставалась личность крупного деятеля науки, классика мирового востоковедения первой половины XX века Игнатия Юлиановича Крачковского (1883–1951) [1]. Ко времени революционной заварухи 1917 г. он был уже сложившимся ученым, который прокладывал новые пути в досоветской арабистике. К 1918 г. Крачковский — магистр арабской словесности — служил штатным доцентом Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Одновременно ученый являлся сотрудником Азиатского музея [2]. В 1921 г. он был избран в Российскую академию наук. Рекомендации дали такие маститые научные авторитеты, как Василий Владимирович Бартольд, Павел Константинович Коковцев, Николай Яковлевич Марр и Сергей Федорович Ольденбург.

В 20-е гг. XX века академик Игнатий Юлианович Крачковский продолжал читать курсы в Петроградском–Ленинградском университете и работать в Азиатском музее. Став главой новой советской школы арабистов, Крачковский пользовался непререкаемым уважением в научных кругах не только своей страны, но и среди мировой научной общественности. Так, он был избран членом Арабской академии наук, Польского востоковедного общества, Немецкого востоковедного общества, Ассоциации исламских исследователей в Бомбее, Иранской академии наук, Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, Польской академии наук, Фламандской академии наук, Азиатского института в Нью-Йорке [3].

26 апреля 1922 г. Крачковский избирается академиком-секретарем Отделения исторических наук и филологии (впоследствии преобразовано в Отделение гуманитарных наук) Академии. Обязанностей и соответственно научных контактов стало больше. К этому периоду относится начало крымоведческого направления научно-организационной деятельности выдающегося деятеля со-

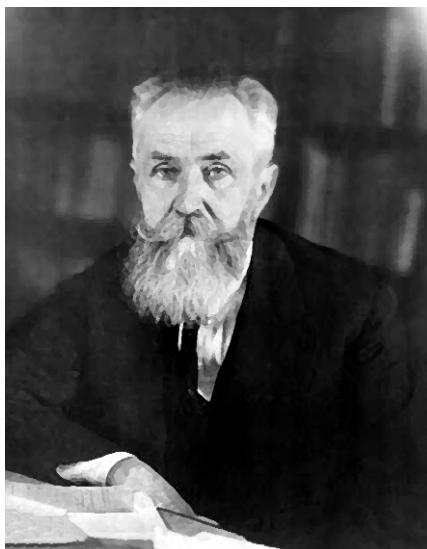
ветской ориенталистики. Вызванное к жизни выявлением арабских источников на территории СССР, неустанно проводимым Крачковским, складывалось прочное научное сотрудничество Игнатия Юлиановича с крупнейшими крымскими историками 1920-х гг. О. Н.-А. Акчокраклы, У. А. Боданинским, А. И. Маркевичем, В. И. Филоненко, Б. В. Чобан-заде. Эта страница деятельности не рассматривалась в многочисленных работах, посвященных жизни и научному творчеству академика [4].

При всей своей замкнутости Крачковский в науке, безусловно, был экстравертом. Его всегда интересовали новые публикации коллег, на которые нередко откликался рецензиями. Со многими он вел переписку, в которой консультировал, разъяснял, делился разнообразными сведениями. Эпистолярное наследие Крачковского является важнейшим историческим источником не только для истории науки, но и для осмысления состояния общественной жизни, настроений столичной интеллектуальной элиты и провинциальной интеллигенции — подвижников развития региональной историографии. Об этом свидетельствуют публикации частей обширного эпистолярия академика. Так, опубликованная переписка Крачковского с А. Е. Крымским [5] позволила пролить свет на отдельные темные страницы истории украинского востоковедения. Для истории крымоведения несомненный интерес представляют материалы переписки академика (письма к нему) с выдающимися краеведами Крыма первой половины XX века — организаторами науки, историками У. А. Боданинским и А. И. Маркевичем, ученым-востоковедом В. И. Филоненко. Эпистолярный, который в подавляющем объеме впервые введен нами в научный оборот [6], выявлен в личном архивном фонде Крачковского в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук. Эти материалы дополнены впечатлениями самого академика о деятелях крымоведения. Они выявлены нами в дневниковых записях, сделанных Крачковским во время его посещения Крыма в 1924 и 1929 гг. [7]. Эти комментарии о состоянии местных научных сил позволяют получить объективную характеристику о востоковедческих исследованиях, проводимых на полуострове.

Непосредственное общение Крачковского с деятелями научного крымоведения началось с 1915 года, когда в Симферополь из Уфы переехал его друг по студенческим годам в столичном университете, с которым вместе они жили в общежитии — Коллегии Александра III — на Васильевском острове в Санкт-Петербурге [8], Виктор Иосифович Филоненко [9].

Работая в течение восьми лет после окончания Восточного факультета Санкт-Петербургского университета преподавателем русского языка и словесности во Второй женской гимназии Уфы, В. И. Филоненко зарекомендовал себя прекрасным педагогом и перспективным ученым. В Башкирии он основал

Общество по изучению местного края и активно включился в этнографические и лингвистические исследования тюркских народов: башкир, татар, чувашей. Очевидно, перспективный тюрколог, разрабатывая местные сюжеты, хотел найти большее поле для реализации своих способностей и применения знаний, полученных в самом авторитетном вузе страны. Поэтому в январе 1915 года он сразу согласился занять вакантную должность инспектора (директора) Симферопольской татарской учительской школы, что предполагало присвоение, согласно Табели о рангах, звания статского советника [10].

*Академик АН СССР
Игнатий Юлианович Крачковский
(1883–1951)*

В автобиографии, составленной 8 апреля 1974 г., Филоненко так вспоминал о своем переезде в Симферополь: «С 1915 года, с января месяца, я в Крыму, в Симферополе. Переведен я был туда по распоряжению Министерства просвещения и попечителя Одесского учебного округа с повышением в должности, инспектором Татарской учительской семинарии и преподавателем русского языка и словесности Симферопольской мужской классической гимназии и первой женской гимназии. Это было большое повышение в должности: из 8 класса в 5-й класс. Шутка! Генеральский чин! Вы представляете себе, что это значило в прежнее старое время?

Татарских учительских семинарий у нас было всего три: в Симферополе, Оренбурге и Казани. Это были особые закрытые учебные заведения с интернатом, со всеми удобствами и даже с мечетью. Обучались только татары. Курс обучения 4 года. Преподаватели — татары и русские. Во главе семинарии обыкновенно стояло лицо, получившее ориентальное образование и знало татарский язык. Национальность, по-видимому, тут не играла роли. До меня инспектором семинарии был гагауз Монастырлы [11], а до Монастырлы караим Казас [12]. Почему меня назначили на эту должность? Во-первых, потому что в Округе Оренбургском был мой диплом и попечитель имел представление о моем образовании, а во-вторых, министерство запросило Самойловича, а он по-дружески расписал меня что надо!» [13].

Прекрасно сохранившаяся переписка Филоненко с Крачковским [14] является уникальным историческим источником о развитии крымоведения в 1915–1931 гг., состоянии местных научных сил, ориенталистических исследованиях, истории Таврического (Крымского) университета (педагогического института) имени товарища М. В. Фрунзе. Эпистолярный является также уникальным биоисториографическим источником, позволяющим по-новому интерпретировать известные ранее сюжеты истории крымоведения.

Первое из симферопольских писем Филоненко, адресованных Крачковскому в столицу, датируется 19 апреля 1915 г. В нем сообщалось: «Живу в Симферополе. Говоря откровенно, очень жалею, что уехал из Уфы — Татарская учительская школа — одно недоразумение. Вряд ли я здесь долго усижу. Слишком уж большая разница между прошлой моей жизнью. Если бы я знал раньше ее, ни за что бы не пошел. Работы много, работы неблагодарной, да, по правде сказать, и неинтересной. Крымские татары я не знаю что такое. Наши уфимские — просто профессора перед ними. Это какое-то вырождающееся племя. Тупость, отсутствие полного интереса ко всему. Самойлович Ал[ександр] Никол[аевич], очевидно, знал об этой школе, так как каждый год читал там лекции. Я очень жалею, что не списался с ним. <...> А по-моему это не школа. Чту, я даже определить не могу» [15]. Эмоционально характеризовать свое новое место работы В. И. Филоненко продолжал и в последующих письмах. Находясь в сентябре 1915 г. в отпуске в Орле, он сетовал: «Хуже, гаже, отвратительнее учебного заведения, именуемого «Татарской учительской школой» я не видел. Я только удивляюсь, как могло просуществовать это «заведение» почти 50 лет. Положим у нас всегда так: учили, платили деньги, выпускали «учителей», а кому, кого и каких учителей, до этого решительно не было никакого дела. Вот почему я страшно недоволен ни «школой» ни крымской публикой, ни жизнью в Крыму. Все это хорошо издали и в небольшой дозе. Насколько культурнее была жизнь в Уфе» [16].

Закрытие Симферопольской учительской школы в годы революционной безвластной чехарды заставило Филоненко искать новую работу. Несмотря на «ворчание» в письмах к Крачковскому о «малокультурной крымской публике», Виктор Иосифович не имел в те годы реальной возможности к переезду в академические центры. Не было там и вакансий по его специальности. Перебиваясь в 1918–1921 гг. занятиями в Симферопольской женской гимназии, он стремился получить должность в открывшемся в 1918 году Таврическом университете. Только 19 июля 1921 г. он был избран (после прочтения двух пробных лекций) приват-доцентом Восточного факультета Крымского университета, где вел курсы персидского языка и литературы [17]. Значительный интерес в этой связи для слабо разработанной до настоящего времени истории вуза

представляют регулярно посылаемые им письма Крачковскому, которому, конечно, небезынттересной была судьба зарождавшегося ориенталистического центра на юге страны. А именно такого рода научное образование в условиях голода и разрухи начало формироваться в Симферополе. 1 ноября 1921 г. Филоненко сообщал в Петроград особенности вживания в Советскую власть по-крымски: «Характерный признак нашего времени — это и есть ложь, колоссальная ложь! Ею только, как это и не странно все и держится. <...>

Я живу плохо; голодаю... и почти что побираюсь. Жалованье платят неаккуратно и такое маленькое, что его хватает только на один день. А жизнь страшно дорога. Чтобы жить впроголодь, нужно, по крайней мере получать 30 тыс[яч] в день. А я 50 тыс[яч] получаю в месяц. При здешнем Таврическом университете открылось «Восточное отделение» и меня единогласно избрали старшим преподавателем и предложили читать лекции по персидскому языку и истории Персии. <...> Читал более месяца, как вдруг комиссар Университета заявил, что утвердить меня нельзя, ввиду моей, якобы русификаторской деятельности, в бытность инспектора Татарской учительской школы.

Совет профессоров протестовал, и чем это кончится, не знаю. Тут, собственно говоря, происходит борьба двух начал: татарского и русского. Татары почему-то это отделение считают своим и естественно желают, чтобы преподавателями были татары и все преподавание велось даже на татарском языке! А русские отстаивают свое право. Не трудно сказать заранее на чьей стороне будет победа? Разве «русские» могут что-либо отстоять? Да еще свое русское?! <...>

Отделение устроено плохо. На первом курсе сразу 3 языка (араб[ский], перс[идский], османск[ий]) и наречия турецкие, главным образом — крымское, конечно. Затем идет целый ряд и филологических, и юридических предметов.

Такая многопредметность совершенно не для слушателей. В слушатели Восточного отделения приглашаются лица с пониженными требованиями, не получившие даже *теперешнего среднего образования*. Большинство татар, еле говорящих по-русски. Бывшие мои ученики Татарской школы куда были более подготовлены чем теперешние студенты!

Вообразите, как с ними трудно заниматься. Кафедры арабского и османского языков пока пусты. Есть, конечно, кандидаты, татары, окончившие медресе Бахчисарайское «Зенджирлы», но даже и при *теперешней легкости* устроиться при Университете, Совет факультета не решался их выбрать *ввиду слишком низкого образовательного ценза*. Вот если прикажут, тогда другое дело! Турецкие наречия читает некто Чопан-Заде [18], Венский приват-доцент из местных уроженцев. <...>

Дела других факультетов обстоят не лучше: профессоров нет, они разъезжаются, кто в Москву, кто в Киев, кто в Петроград. Освободившиеся кафедры

замещаются поболее людьми, не имеющими на то даже никакого приблизительного права» [19].

К теме Восточного факультета Филоненко обращается в следующем письме, написанном, правда, спустя более чем год после предыдущего — 4 февраля 1923 г. Этим объясняется частичное повторение информации: «Вы, вероятно, знаете, что в Крымском университете есть Восточный факультет. Конечно, это только одно название: ибо нет ни одного настоящего профессора-ориенталиста. Я, между прочим, преподаю там персидский язык. Не ругайте меня за эту смелость.

Между прочим, прошу Вашего совета. У меня еще в 1917 году собрано до 100 загадок крымских татар. Введение, текст, перевод и примечания. Не скажете ли кому можно послать, чтобы напечатать. Я предлагал напечатать загадки в трудах Таврической ученой архивной комиссии, но труды не издаются — нет средств» [20]. В такой форме Виктор Иосифович осторожно интересовался у своего друга, не возьмется ли академик помочь ему с публикацией собранного этнографического материала. Загадки не заинтересовали Крачковского. Зато его внимание привлекла очередная информация о начале работы центра востоковедческих исследований в Крымской АССР. Безусловно, не без участия Крачковского в журнале Всесоюзной научной ассоциации востоковедения «Новый Восток» в этом же году была опубликована малоизвестная статья Филоненко «Восточный факультет Крымского государственного университета в г. Симферополе» [21].

Статья ушла в редакцию журнала, а 13 июля 1923 г. Филоненко уже сообщал в Петроград, что «пришлось хоронить наш Восточный факультет. Как самостоятельный факультет он умер. Осталось только отделение при Педагогическом факультете. Что делать? Лучше что-нибудь, чем ничего. В гибели его виноваты некоторые наши профессора не ориенталисты, которые, ради собственного благополучия, пригласили в качестве преподавателей местных татар. Ну, а последние — повели дело совсем не так, как нужно было. Характерно, что в последнюю минуту, когда стало известно, что факультет превращается в отделение, декан и присные его — разбежались. Я буквально остался один. О спасении факультета нечего было и думать» [22].

В это время Филоненко получил приглашение от декана Восточного факультета Бакинского университета П. К. Жузе переехать в Баку, где ему предлагалось читать персидский язык. В Азербайджане предлагали и квартиру, которую выделял местный Наркомат просвещения. В письме от 24 августа 1923 г. Филоненко советовался по этому поводу с Крачковским [23]. Подобные приглашения получил не только Филоненко. Так, в Баку вскоре перебрался Б. В. Чобан-заде.

В. И. Филоненко не решился на переезд. 4 декабря 1923 г. в свойственной ему манере он сообщал Крачковскому: «Ох, уж эти заседания! Кажется, в Крымском Университете больше бывает заседаний, чем лекций. Все говорят, говорят, масса планов, проектов, удивительных проектов по своей несуразности, а дела, настоящего дела, — ни крошки. Может быть, это с одной стороны даже и хорошо. Воображаю, что бы было, если бы все эти сумбурные проекты приводились в жизнь» [24]. И тут же вновь Филоненко обращается к характеристике своих коллег по Восточному отделению, демонстрируя Крачковскому низкий уровень преподавания: «А то ведь у нас Леманов [25] так читает, что уторопь берет. Ведь произносить не умеет правильно» [26].

Отметим, что в столь критичной оценке нового поколения специалистов крымской высшей школы Филоненко был не одинок. Довольно скептически об уровне преподавателей Восточного отделения крымского вуза отзывался и Арсений Иванович Маркевич. В письме к Крачковскому от 25 декабря 1930 года он корректно заметил, что «<...> у местных наших востоковедов нет должной эрудиции» [27].

В истории российской культуры первого советского десятилетия есть страница, оставившая след в биографиях подавляющего большинства тогдашних петроградских ученых-филологов и писателей. Речь идет о работе в издательстве «Всемирная литература». Целью этого книжного производства было ознакомление читателей молодой советской республики с лучшими произведениями художественной литературы Европы, Америки и Востока в новых переводах. Программой изданий, отбором материалов и рецензированием переводов занимались две коллегии экспертов — Западная и Восточная. В последней сотрудничал Крачковский. И вряд ли какое-либо другое предприятие в первые постреволюционные годы могло сыграть для ученых-гуманитариев такую роль, как «Всемирная литература». Занятие любимым делом стало оплотом против революционного хаоса, трудом, хоть в какой-то степени примиряющим их с новой властью [28].

Одним из направлений работы «Всемирной литературы» было создание очерков о переводе с восточных языков. Хотя этот проект так и остался нереализованным, он привлек в издательство Крачковского. Интерес вызывали также рукописи восточных авторов, в том числе турецких, крымскотатарских, арабских, которые следовало искать в крымских книжных (рукописных) собраниях. В этой связи у Крачковского возникла настоятельная потребность посетить Крым.

Последующие письма Виктора Иосифовича Филоненко в Ленинград представляют интересную информацию о предыстории научной поездки Игнатия Юлиановича в Крым в 1924 году. 28 марта 1924 г. Филоненко сообщал: «Вы при-

глашаетесь читать лекции по свободной кафедре арабского языка» [29]. При этом Крымский университет выделял академику-ориенталисту деньги на дорогу и вознаграждение за трехмесячное чтение лекций (апрель-июнь) в размере 11 червонцев. Филоненко предлагал своему другу после окончания курса лекций в июне продолжить пребывание в Крыму в санатории в Гаспре. Однако организационные нестыковки изменили эти планы. 24 апреля Виктор Иосифович сообщал: «Сейчас побегу в Университет и попрошу, чтобы к Вашему приезду все-таки Вам выписали бы деньги. Деньги на проезд сейчас же будут Вам выписаны. Только что говорил с бухгалтерией» [30].

Игнатий Юлианович, безусловно, хотел съездить в Крым, и приглашение местного университета в этой связи было как нельзя кстати. Однако его, как ученого, больше, чем чтение лекций на Восточном отделении провинциального вуза, интересовали арабские рукописи, отложившиеся в местных книжных, музейных и частных собраниях. Получив приглашение из Симферополя, он сейчас же писал директору Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае Усеину Абдурефиевичу Боданинскому, прося помочь в организации приезда в Бахчисарай вместе с женой.

Летом 1924 г. Крачковский по приглашению Крымского университета имени товарища Фрунзе был командирован Академией наук в Крым для прочтения курса лекций по арабистике на Восточном отделении Педагогического факультета. Наравне с этой, основной целью поездки академик считал необходимым «предварительное ознакомление с собранием мусульманских рукописей» и «изучение состава и состояния арабских эпиграфических памятников для выяснения хода дальнейших работ» [31].

30 апреля 1924 г. Крачковский отметил в дневнике: «9.30 веч[ера] отбыл на скором поезде из Ленинграда» [32]. В субботу 3 мая в половине пятого утра академик с женой Верой Александровной [33] добрались до Симферополя. Игнатий Юлианович отметил: «Филоненко встретил, но в университете, <...> комната не отведена, о столе информации никакой и еще вопрос, в каком виде это будет. 8 веч[ера]. Устраиваемся. <...> Комнату дали в старом Университете около Ботанического кабинета, с обедом сговорились, посмотрим, что будет дальше» [34].

На следующий день — в воскресенье — Крачковские отправились в Центральный музей Тавриды. Интерес вызвал «восточно-татарский отдел с коврами и вышивками». Подытоживая экскурсию, академик записал в дневник о музее: «В общем, производит упорядоченное впечатление. Хранитель некий Н. А. Эрнст субъект, по-видимому, знающий» [35].

В понедельник состоялся визит Крачковского к Арсению Ивановичу Маркевичу, «у которого получил приглашение завтра на обед». 6 мая «обедали у

Маркевича. Немного копался для завтрашней лекции с рукописью <...>» [36].

В Крымском университете Крачковский прочел два спецкурса «Арабский язык в прошлом и настоящем» (8 часов) и «Арабская литература XIX — XX века» (18 часов). В отчете о поездке он отметил: «Немногочисленная, но внимательная и аккуратная аудитория, помимо студентов университета, состояла из некоторых профессоров и преподавателей, а также представителей местного населения, преимущественно из среды татарского учительства» [37].

7 мая 1924 г. академик записал в дневнике: «Читал первую лекцию по литературе. Народу было порядочно: профессора педагогического факультета и <...> 50 студентов. Познакомился с Деревидким, «арабистами» Лемановым и Йефетовым. Первый — татарин, обычного типа достаточно самоуверенный, второй — караим довольно скромный, кончил наш факультет вместе с Шашалом» [38]. Заранее предубежденно настроенный письмами Филоненко, Крачковский теперь имел возможность лично оценить местных ориенталистов. В первый день сложившийся заранее негатив преобладает. Это видно по тому, что слово «арабисты» Игнатий Юлианович написал в кавычках.

Созданные Филоненко стереотипы таки были сломаны в ходе поездки. Прежде всего, это проявилось на примере Б. В. Чобан-заде: «9 мая, пятница. Было сегодня заседание Восточной предметной комиссии, на котором познакомился, между прочим, и с Чобан-заде, который оказался значительно симпатичнее, чем я думал» [39].

7 мая 1924 г. Боданинский сообщил Крачковскому, что в Бахчисарае имеют «возможность отвести Вам и Вашей супруге помещение во дворце, но, только с незначительной оплатой за уборку, за свет и белье; со столом тоже устроим так, что обойдется дешево. Поэтому в любое время милости просим приехать» [40].

Не задерживаясь надолго в Симферополе, Игнатий Юлианович выезжал в Бахчисарай и Евпаторию для знакомства с древними рукописями. В отчете о своей научной командировке он заметил, что «рукописи до сих пор не признавались за памятник равноценной важности», в этой связи в Крыму «правильно оборудованных рукописных собраний не имеется» [41]. Высоко отзываясь об археографической деятельности Таврической ученой архивной комиссии в досоветские годы, Крачковский отметил, что изучение рукописных собраний библиотек, тем более частных коллекций, осталось за сферой ее деятельности [42]. В этой связи академику хотелось лично ознакомиться с уникальными книжными и рукописными коллекциями, отложившимися в бывшем Ханском дворце и Карай-Битиклиги.

14 мая ученый записал в дневнике: «Завтра думаем на три дня проехать в Бахчисарай. Сегодня познакомились с хранителем Бахчисарайского дворца Боданинским» [43]. Очевидно Усеин Абдурафиевич специально приезжал

в Симферополь для приглашения именитых гостей. А вот и первое впечатление Крачковского в Бахчисарае 15 мая 1924 г.: «Дворец действительно оставляет впечатление. <...> Довольно много рукописей, главным образом в последнее время из закрытого медресе» [44]. Вместе с Ягьей Наджи Байбуртлы и Боданинским ленинградские ученые в пятницу 16 мая совершили пешеходную экскурсию по городу [45].

Некоторые подробности пребывания Игнатия Юлиановича и его супруги Веры Александровны в Бахчисарае содержит «Дневник», который вел директор Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры Боданинский. 17 мая 1924 г. он записал: «Приехавший в Бахчисарай академик (арабист) Игнатий Юлианович Крачковский прочел в Музее лекцию «Арабская культура и ее влияние на европейскую культуру». Присутствовало 20 чел[овек] будущих руководителей массовыми экскурсиями» [46]. На следующий день вместе с уже знакомыми ему по лекции экскурсоводами Крачковский с супругой совершили экскурсию на Тепе-Кермен и в Чуфут-Кале. Разъяснения ленинградским гостям кроме Боданинского давал и профессор Крымского университета Евгений Владимирович Вульф, который присоединился к экскурсантам вместе с семьей [47].

19 мая семья Крачковские вернулась в Симферополь. Игнатий Юлианович отметил: «После вчерашнего похода в Чуфут-Кале и Тепе-Кермен — сегодня совершенно без ног. Придется читать лекцию с трудом» [48]. Между чтением лекций в Крымском университете в Симферополе Крачковский и его супруга находились в постоянном общении с местными историками. И прежде всего — с А. И. Маркевичем. Запись в дневнике Крачковского от 22 мая сообщает: «Вчера попали к Маркевичу, было много всякого, преимущественно родственного народа: не обошлось без речей и солидного возлияния» [49].

Лекции в местном университете, как свидетельствует дневник, чередовались с поездками в Бахчисарай. Так, 22 мая: «опять едем в Бахчисарай», а 25-го — «сейчас возвращаемся в Симферополь» [50].

25 мая уже Вера Александровна Крачковская прочитала перед сотрудниками экскурсионных баз Бахчисарая две лекции по истории мусульманской архитектуры. Присутствовало двадцать слушателей [51].

27 мая к находившемуся в Бахчисарае Крачковскому приехал профессор симферопольского университета Бекир Вагапович Чобан-заде [52]. Ученые, как помнит читатель, познакомились в Симферополе на лекциях ленинградского академика. Чобан-заде прибыл в Бахчисарай не с пустыми руками. Он пожертвовал музею купленную за собственные деньги на симферопольском рынке арабскую рукопись Бурхана ад-Дин ибн Маза, которая отсутствовала в европейских собраниях. Игнатий Юлианович выделил это в опубликованном отчете о поездке [53].

29 мая И. Ю. Крачковский записал, находясь в крымской столице: «С приездом сюда существуем мирно, но преимущественно соединяясь по разным достопримечательностям. В здешнем [симферопольском] музее пищи для арабистики мало. Набросал сегодня конспекты для предполагаемого доклада «Задачи арабистики в Крыму». В субботу, может быть, проедемся в Евпаторию» [54].

Субботу и воскресенье 31 мая и 1 июня 1924 г. Крачковские провели в Евпатории, «куда ездили вместе с Филоненкой. Остановились там в самом музее у заведующей Чепуриной и было достаточно неудобно. Из-за перемены поездов уехать пришлось не в понедельник, а в воскресенье утром» [55]. Ленинградские востоковеды посетили караимские кенасы. В. И. Филоненко и П. Я. Чепурина показали гостям и книжные сокровища караимской библиотеки Карай-Битиклиги, где Крачковский увидел и множество рукописных свитков. Не тогда ли, в последний майский день 1924 г., зародилась у крупнейшего советского востоковеда мысль о перемещении этого бесценного собрания книг и документов в Ленинград? По крайней мере, дневник не содержит никаких эмоций академика по этому поводу.

По беглому заключению академика, сделанному по итогам поездки, по своему составу Карай-Битиклиги «напоминает собрание Фирковича в Публичной библиотеке, но уступает в качественном отношении» [56]. Ученый выделил находящиеся там на хранении интереснейшие рукописи религиозного содержания.

Полина Яковлевна провела отдельную экскурсию среди татарских домов Старого города. Игнатий Юлианович заметил в дневнике, что она «принадлежит к числу слишком многоречивых» [57].

8 июня Крачковский записал: «Сегодня думаем еще раз на последок съездить в Бахчисарай, и через неделю двигаться в Питер. Были на этих днях на представлении татарской драмы из Чора Батыр» [58].

В Бахчисарае академик продолжал работу в фондах Дворца-музея.

А вот 10 июня произошел конфуз. Боданинский отметил в «Дневнике»: «Назначенная по инициативе музея публичная лекция академика-арабиста Игн[атия] Юлиан[овича] Крачковского на тему «Задачи арабистики в Крыму» не состоялась вследствие отсутствия слушателей, несмотря на полное и своевременное извещение граждан. Условились совместно с Правлением Союза Всеобщего Работопрос, чтобы перенесли лекцию на 11-ое число в помещение музея» [59].

11 июня Боданинский записал: «Лекция на ту же тему была прочитана в коллективе школьных работников в Бахчисарае, в музейном садике под открытым небом академиком Игн[атием] Юлианов[ичем] Крачковским из Росс[ийской] Академии наук в Ленинграде (Петроград)» [60].

Находясь в Государственном дворце-музее тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, академик исследовал и впоследствии поместил в «Отчете» о ко-

мандировке описания ярлыков, дефтерей и трех десятком рукописей. При этом он отметил помощь, оказанную ему руководителем музея «Хусейном-Эфенди Боданинским» [61].

С остатками некогда богатой археологической коллекции Крачковский ознакомился у И. Е. Свищова (сына известного краеведа, педагога Евгения Ивановича Свищова (1874–1922)). Здесь ленинградскому ориенталисту посчастливилось увидеть четыре ярлыка крымских ханов [62].

13 июня Крачковский, возвратившись в Симферополь, «занимался преимущественно прощальными визитами. Билеты сам не взял, ибо на станции труба и не знаю, устроят ли мне из Университета» [63]. Билеты для академика нашлись лишь к воскресенью 15 июня: «если ничто не помешает, отбудем сегодня в половине первого ночи. На последок три раза ели чебуреки: у Филоненко, Леманова и Чобан-заде!» [64].

Подводя итог своей научной командировки в Крым летом 1924 г., Крачковский отметил, что «Крымский университет должен подготовить переводчиков, работников» в области ориентального книговедения, «арабистов для крымоведной работы». При этом академик указал на «громадный объем работы, предстоящей будущему поколению» в области крымской ориенталистики [65].

Важнейшим результатом пребывания Крачковского на полуострове стало его знакомство, переросшее с годами в крепкую научную дружбу, с крупнейшим крымоведом эпохи Арсением Ивановичем Маркевичем. Ленинградский ориенталист уже имел представление о многогранной деятельности симферопольского ученого на благо науки благодаря корреспонденциям Филоненко. В мае–июне 1924 г. Маркевич консультировал столичного гостя по вопросам библиографии, состояния рукописных фондов и памятников культуры.

Немаловажным итогом пребывания академика в Крыму стало то, что на заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии 25 мая 1924 г. Крачковский был «единодушно избран действительным членом» этой ведущей краеведческой организации Крыма. Об этом ему было отправлено письмо, датированное 6 июня, подписанное А. И. Маркевичем и Н. Л. Эрнстом: «во внимание к Вашей энергичной и плодотворной научной деятельности и в надежде на Ваше участие в его скромной работе по изданию истории Тавриды» [66].

Сразу после возвращения Крачковского в Ленинград в адрес Маркевича пришло благодарственное письмо от Академии наук «за содействие академику И. Ю. Крачковскому в его работах по Крыму» [67]. Арсений Иванович, скрупулезно обязательный в переписке, 23 августа 1924 г. отписал Крачковскому: «Я очень сконфужен, так как по своим старческим немощам не мог быть Вам полезен в такой мере, в какой желал. Но могу сказать одно, что Ваш приезд

в Симферополь был светлым праздником для меня, хоть маленького научного работника, но горячо любящего Крым. <...>

Для Крымского университета Ваш приезд сюда был особенно важным событием, озарившим этот печальный период его существования» [68].

После посещения Крачковскими Дворца-музея в Бахчисарае развились их научные контакты с Боданинским. Так, директор музея спустя год после описываемых событий, в июне 1925-го, писал в Ленинград:

«Глубокоуважаемые Вера Александровна и Игнатий Юлианович.

Спасибо Вам за память. Все, что Вы прислали мне из печатного, я получил. К сожалению, мы бедны изданиями и поэтому посылаю Вам только путеводитель наш, изд[ания] 1925 года. Из новостей, я пришлю Вам тексты арабских надписей, найденных тамг на мусульманских памятниках при археологических разведках на территории Эски-Юрт. По-моему, весьма любопытно. С начала июля в Крыму предположена научная экспедиция по собиранию, изучению памятников татарской культуры в Крыму. Экспедиция будет разделена на 2 группы (этнографическая и археологическая группы).

В Бахчисарае сейчас очень хорошо. С конца мая до 5-ых чисел июня были здесь сильные дожди, земля получила много влаги, так что растительность и посевы имеют хороший вид. Виды на урожай довольно хорошие. Было бы хорошо, если бы Вы приехали в Крым. Милости просим к нам. Помещение во дворце есть.

Мы с Ольгой Александр[овной] [69] были с конца апреля по конец мая в Москве. Предполагал я съездить в Ленинград, но это мне не удалось, несмотря на то, что меня туда усиленно звал И. А. Орбели [70], с которым я увиделся на съезде при Главнауке. Будущей зимой я возьму туда специальную командировку для изучения материалов по тат[арским] памятникам.

Ягья Эфенди Байбуртлы, Ольга Ал[ександровна] и вся наша молодежь шлют Вам сердечный привет» [71].

По возвращению в Ленинград свои наблюдения над крымскотатарскими архитектурными памятниками, сделанные в Крыму, В. А. Крачковская обобщила в статье «Татарское искусство и быт в Крыму», которая была напечатана в 1925 г. на страницах журнала «Восток». Отметив, что среди памятников мусульманского искусства, находящихся в пределах СССР, после Средней Азии, Крым прочно занимает второе место. Автор отметила характерную европеизацию крымских городов, где «русская часть города, поглотив старые мусульманские кладбища, преобладает над татарской», а «Восточный характер удержали отчасти лишь кварталы, населенные татарами и цыганами-мусульманами». Но даже там опытный взгляд специалиста констатировал «внешнюю европеизацию, идущую быстрыми шагами» [72]. Справедливо выбрав для изучения искусства и бы-

та крымских татар Бахчисарай — «уголок еще живого Востока» — В. А. Крачковская представила впечатления о мусульманских кладбищах, архитектуре жилых и культовых зданий, этнографические зарисовки. Безусловно, уделено внимание и Ханскому дворцу, и действующему в его стенах музею. Отметив, что «за семь лет существования музей сильно расширился», автор выделила подвижную деятельность «Хусейна Эфенди Баданинского, деятельность которого не ограничивается дворцом, а распространяется на изучение и охрану прочих памятников Бахчисарая» [73]. Идя навстречу пожеланиям Боданинского, который стремился превратить Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае в единственный центр изучения мусульманской культуры в Крыму, Крачковская закончила статью тезисом о том, что Бахчисарай должен «стать главным музейным центром мусульманского искусства в Крыму» [74].

Уже после посещения Крыма, имея общее представление о составе рукописных и книжных ориенталистических фондов в местных собраниях, Крачковский мог планировать свою дальнейшую деятельность. Осенью 1925 г. он стал готовиться к годичной командировке в арабские страны — Египет, Сирию, Палестину — с целью пополнения книжных фондов Азиатского музея новейшей литературой [75].

В письме Филоненко от 18 февраля 1925 г. Крачковский жаловался: «В последнее время совсем одолели иностранцы, которые все обращаются с разными просьбами — то сличить какой-нибудь текст, то сообщить сведения о неописанной рукописи и т. д. Видно, что у них работа идет, а нам не поспеть. Арабисты же мои совсем сошли на нет и поручить некому» [76]. Мысль о том, что за первую половину 20-х годов XX века российская ориенталистика страшно отстала от европейской, постоянно мучила ученого. Находясь в Крыму, среди связок никому не нужных восточных книг и рукописных свитков (в Евпатории), он осознал это особенно остро. Смущал академика и примитивно низкий уровень преподавателей Восточного факультета Крымского университета — флагмана местных ориенталистических штудий.

Однако идея с заграничной командировкой в арабские страны осталась нереализованной. В то время как другие академики-ориенталисты (В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Самойлович) ездили в Европу и на Восток, завязывали научные связи, налаживали книгообмен — Крачковскому в выдаче загранпаспорта постоянно отказывали. Причем этот запрет действовал до конца жизни Игнатия Юлиановича.

Переписка Крачковского с Боданинским, Маркевичем и Филоненко свидетельствует, что ленинградский академик налаживал книгообмен внутри страны. Он постоянно присылал своим коллегам в Симферополь специальную востоковедческую литературу, периодические издания Академии наук [77].

3 сентября 1924 г. Филоненко с грустью сообщал: «Пришла бумага о закрытии Университета и преобразовании его в педагогический институт. Про отделение Востоковедения ничего не было известно: останется оно или нет? Пришлось запрашивать. Наконец, пришло уведомление, что при Пединституте отделение Востоковедения сохраняется. Мало того, пришла другая бумажка, гласящая: лингвистическое отделение Педагогического института разделяется на две секции: русскую и турецко-татарскую. Получилось как будто Востоковедение в квадрате.

Живу сейчас в Ялте, в санатории «Россия» недалеко от дачи Эмира Бухарского, ныне Восточного музея. Живу на средства Ватиканской миссии. Каково? Дело в том, что Ватиканская миссия заарендовала для нашего Университета несколько мест в санаториях на Южном берегу. Одно из этих мест и досталось мне. Пробуду в Ялте до 15 сентября» [78].

В письме Крачковскому от 24 октября 1924 г. Филоненко подробно рассказал о структурных изменениях на Восточном отделении: «Наше отделение изменилось очень. Языки только на II и III курсах, первый курс общий для всех отделений; а IV-ый с тремя уклонами: музееведным, библиотечным и этнографическим. Прибавилось много новых предметов, как-то антропология, этнография, музееведение и др., а читать некому, специалистов не приглашают. К тому же “профессора” наши поразъехались. Чобан-заде уехал в отпуск на 2 месяца в Баку. Будто бы печатать свой труд «Османскую грамматику», а правду кто знает? Злые языки поговаривают, что он совсем хочет уехать из Крыма, ибо дела его общественно-политического характера что-то не ладятся. Одабаш [79] и Леманов тоже где-то витают в облаках кооперации, а в результате Ваш покорный слуга, да С. Б. Ефетов [80] отдуваются за всех. В этом году подсунули мне читать новый курс: «Методика собирания этнографического материала» с практическими занятиями. Работа интересная» [81].

В этом же письме Филоненко подробно познакомил своего коллегу с результатами раскопок 1924 г. Николая Львовича Эрнста, которые тот проводил совместно с московским историком и археологом Алексеем Степановичем Башкировым в Старом Крыму (древнем Солхате) [82].

17 января 1925 г. Филоненко сообщал другу интереснейшую информацию, связанную с историей университета: «Новый ректор. Салазкин [83] уходит куда-то к Вам в Ленинград. А у нас избрали, как думаете кого? Чобан-заде! Это своего рода последняя ставка на существование университета в Крыму. Дело в том, что Наркомпрос и партия выставили своего кандидата, некоего Фридмана, человека, имеющего весьма и весьма далекое отношение не только к Университету, но и к школе вообще» [84]. Хотя профессура поддержала Б. В. Чобан-заде, в Москву на утверждение были поданы обе кандидатуры — на выбор

Наркомата по просвещению. Обе, кстати, были отвергнуты [85].

В письме Таврического общества истории, археологии и этнографии от 22 апреля 1925 г. на имя Крачковского (подписано товарищем председателем Леонидом Владимировичем Жирицким и секретарем Общества Николаем Львовичем Эрнстом) сообщалось, что «в воскресенье 3-го мая в 121/2 часа дня в здании Центрального музея Тавриды (К. Либкнехта, 35) состоится чествование председателя Общества профессора Арсения Ивановича Маркевича по случаю 70-летия его рождения и 50-летия научной деятельности» [86]. Ленинградского академика приглашали принять участие в торжествах.

Игнатий Юлианович, зная о юбилее Маркевича, не только лично поздравил крымоведа номер Один, но и организовал для него приветственный адрес от Академии наук. Арсений Иванович писал ему 17 мая 1925 г.: «Приветствие Академии наук поразило меня, — я не считаю себя ни в какой мере его достойным, — а Ваше письмо растрогало меня до слез» [87]. В этом же послании Маркевич рассказывает о закрытии медицинского факультета и преобразовании Крымского университета в педагогический институт.

В письме от 22 июня 1925 г. Филоненко сообщал Крачковскому о подготовке и праздновании в Симферополе юбилея Маркевича: «То возились с юбилеем Маркевича. Кажется, дело простое, а чуть не сорвалось. Симферопольцы люди чудные! Ведь всю жизнь прожил человек в Симферополе и много сделал, а как дело коснулось чествования — все против. Мне, как товарищу председателя Общества [88], пришлось и мирить многих, и уговаривать многих принять участие. Очень рад, что в конечном итоге все сошло благополучно, а главное, доволен остался сам юбиляр. А он, говоря между нами, человек очень и очень обидчивый» [89].

В связи с юбилеем Маркевича его ленинградские друзья ученые приняли решение баллотировать его кандидатуру в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Узнав об этом, Арсений Иванович 12 декабря 1925 г. писал в Ленинград: «Глубокоуважаемый Игнатий Юлианович.

Узнал, что Вы с С. Ф. Платоновым [90] намерены предложить меня в корреспонденты Академии и считаю долгом сердечно поблагодарить Вас за оказанное мне внимание и честь, хотя крайне сконфужен и обескуражен <...>» [91].

На заседании Общего собрания Академии наук СССР 15 января 1927 г. была заслушана «Записка об ученых трудах А. И. Маркевича», подготовленная академиками Платоновым и Крачковским [92]. Научному собранию вместе с обзором научной деятельности крымского краеведа и его вклада в развитие региональной историографии был представлен «Список научных трудов А. И. Маркевича» [93]. Доклад ленинградских академиков заканчивался лаконичным выводом о том, что «Полувекковая работа этого выдающегося ученого краеве-

да вполне заслуживает того, чтобы почтить его званием члена-корреспондента Академии наук СССР» [94].

В это время Таврическое общество истории, археологии и этнографии приняло решение о присвоении Крачковскому звания Почетного члена этой организации. В письме от 29 октября 1925 г. (подписано А. И. Маркевичем и Н. А. Эрнстом) говорилось: «Таврическое общество истории, археологии и этнографии, глубоко почитающее Вашу энергичную научную деятельность на поприще языкознания, литературы и истории Востока, тесно примыкающем к прошлому Крыма, в заседании своем от 18-го числа этого месяца единодушно постановило просить Вас принять звание его Почетного члена» [95].

В последующих письмах Крачковскому Филоненко продолжал обращаться к теме юбилея Маркевича. 3 декабря 1926 г. он отметил: «Арсению Ивановичу очень приятно, что многие отнеслись сочувственно к его юбилею. И к стыду нашему нужно сознаться, что откликнулись главным образом иногородние. Симферопольцы же дипломатично молчат» [96]. Речь идет об участии в сборнике трудов, который Таврическое общество истории, археологии и этнографии формировало в честь юбиляра. О подготовке сборника как отдельного тома «Известий» Общества Филоненко подробно писал Крачковскому 27 января 1927 г. [97]. Именно Виктор Иосифович вел переписку с авторами из различных городов и составлял сборник [98]. Ему удалось собрать под одной обложкой лучшие крымоведческие силы как местные, так и из столиц.

В этом сборнике свой материал «Песнь арабского солдата» поместил и Крачковский [99]. Уже когда тираж был почти готов он прислал небольшое дополнение к своей статье, которое было опубликовано отдельно [100]. Рукопись песни была выявлена им в фондах Всенародной библиотеки Украины в Киеве [101]. Она поступила туда в составе так называемого «Портфеля А. Н. Муравьева» из Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии.

Переписка Маркевича с Крачковским дополняет сведения о подготовке и издании «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии». 19 апреля 1927 г. Арсений Иванович писал: «Теперь же могу сообщить, что наши “Известия” недели через две выйдут в свет. Ваша статья уже отпечатана и, кажется, без опечаток. Оттиски готовы. Книжка будет листов в 13–14, небольшая по объему, но содержательная и интересная. Были бы средства, мы начали бы печатание и след[ующего] выпуска, но по-видимому придется снова сделать большой перерыв в нашем издательстве до тех пор, когда нам послана будет манна с небес; других надежд у нас пока нет, хотя материала для издания много и хорошего» [102].

Филоненко постоянно информировал Игнатия Юлиановича о посещении Крыма столичными учеными авторитетами. 3 августа 1925 г. он писал: «Кроме

Бороздина [103] и Башкирова [104] в Крым приехал и московский профессор-этнограф Куфтин [105]. Вместе с Боданинским они поехали в Евпаторийский уезд для сбора этнографического материала» [106].

Виктор Иосифович продолжал регулярно знакомить Крачковского с кадровыми изменениями на Восточном отделении педагогического института в Симферополе. 8 ноября 1925 г. он сообщал: «Вместо Чобан-Заде пытались пригласить из Москвы Дмитриева [107], молодого тюрколога, но в виду того, что вопрос о штатах выяснится только к первому января, попытка эта оставлена» [108]. Сообщая в Ленинград об отсутствии возможности опубликовать в Крыму хоть что-то по своей проблеме («И тщетно А. И. Маркевич бьется издать что-либо, имеющее слабое подобие “Записок” [“Известия”] Архивной комиссии» [109]), Филоненко еще раз напоминал своему другу об интересном этнографическом материале, накопившемся у него в ожидании публикации.

В этом же письме Виктор Иосифович сообщал о результатах крупной научной экспедиции, проводившейся Государственным дворцом-музеем тюрко-татарской культуры в Бахчисарае при участии Всесоюзной научной ассоциации востоковедения: «Боданинский “со товарищами” вернулся из экспедиции по Перекопскому уезду и тоже, говорят, привез много ценного материала. Причем с ним ездил Акчокраклы [110], который сосредоточил все свое внимание на тамгах татарских. До 500 знаков привез» [111].

Тема отсутствия в Крыму печатного органа для публикации краеведческих штудий обговаривалась и в письме Филоненко Крачковскому от 5 апреля 1926 г.: «У нас с изданием все еще дело обстоит плохо. Общество археологии и этнографии [112] хотело было издать очередной сборник, как бы продолжение трудов Архивной Комиссии. Арсений Иванович обратился за субсидией к крымскому правительству. Своих же средств ведь нет. Ну и, конечно, отказ. А между тем деньги есть, и Крымиздат постоянно выпускает всевозможные брошюры на русском и татарском языках. Даже заявление о том, что Сборник будет подобран исключительно из статей, имеющих отношение к Крыму и к татарскому быту и культуре, и то не имело никакого значения. Одним словом — полное несочувствие, и полная противоположность другим республикам» [113].

О проблеме с финансированием издания «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии» сообщал Крачковскому и Маркевич: для издания второго тома «Известий» «<...> получили пособие от Главнауки, но его далеко не хватает на оплату книги; думали и мы о повторении самообложения, но стеснялись прибегнуть к нему. Правда, бедность — не порок, но просить милостыню и тяжело и прямо нелегко. <...> Мы обратились к членам Общества с просьбой о подписке на следующий №, а дело каждого дать, сколько кто сможет» [114].

27 марта 1928 г. в продолжение темы Маркевич писал тому же адресату: «Мы решили, что если кто пришлет 5 р[ублей], то получит экземпляр книги бесплатно, кто даст больше, тот, кроме сугубой благодарности, получит два экземпляра. Я буду горячо благодарен Вам, если Вы переговорите с академиками (нашими членами) [115] по этому несколько щекотливому вопросу» [116].

Сообщая 11 апреля Крачковскому, что второй номер «Известий» уже передан в печать, Маркевич заметил: «<...> кажется, выйдет недурным, конечно, имея в виду наши скромные силы и средства. “Еще жив Курилка”, еще держится у нас старая культурность, как ни стремятся ее убить. Но если в Ленинграде бывает тяжело, то как трудно, как невыносимо бывает здесь, в Крыму, который возвращается в положение конца XVIII века. Приспосабливающиеся, конечно, чувствуют себя хорошо и даже процветают, растут как на дрожжах. Но это рыцари на час» [117]. Выслав Крачковскому второй том «Известий» Общества, Маркевич просил указать на слабые стороны издания [118].

Продолжая уведомлять своего ленинградского друга о научной жизни в Крыму, Филоненко 12 мая 1926 г. писал: «У нас Алексей Николаевич Деревицкий [119] получил командировку во Францию, в Париж, для работы по искусству, но только за свой счет. Кажется, думает ехать» [120]. Поездка А. Н. Деревицкого в Париж в 1926 г., о которой до знакомства с эпистолярным наследием Филоненко ничего не было известно, состоялась. Так, 28 июня Филоненко сообщал Крачковскому: «На днях Деревицкий едет во Францию. За свой счет, конечно» [121].

В письме к Крачковскому от 21 мая 1926 г. Филоненко рассказывал о выпускнике Восточного отделения Крымского пединститута Анатолии Яковлевиче Андрусском, который защитил дипломную работу по мусульманскому искусству под руководством профессора А. Н. Деревицкого и собирался продолжить свое ориентальное образование в Ленинграде. Виктор Иосифович просил оказать А. Я. Андрусскому поддержку [122].

В переписке двух востоковедов неоднократно упоминается и имя выдающего музейного деятеля Крыма, этнографа, специалиста по крымскотатарской вышивке — Полины Яковлевны Чепуриной [123], которая так радушно и «многогоречиво» принимала семью Крачковских в 1924 г. в Евпатории. Филоненко скрупулезно сообщал в Ленинград о всех новых докладах и публикациях заведующей Евпаторийским музеем, исследования которой пользовались авторитетом в ученых кругах. Так, 22 декабря 1925 г., рассказывая об очередном заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии, он подробно остановился на ее сообщении «Коран Евпаторийском мечети Хан-джами» [124]. 21 мая 1926 г. в очередной корреспонденции в Ленинград Филоненко сообщал о докладе Чепуриной на заседании того же научного объединения

«О культурном влиянии караимов» [125]. Постоянно присутствуют в письмах и упоминания об общих знакомых. 28 июня 1926 года В. И. Филоненко игриво сообщал: «Боданинский в Ялте. Работает в Кине [Sic!]. Ставит Алима — Крымского разбойника. Конечно, гребет “деньгу”» [126].

Маркевич информировал Крачковского о планах по организации Всесоюзной археологической конференции в Крыму. 2 мая 1926 г. он сообщал: «Задумали устроить здесь, в Керчи, археологический съезд, и <нрзб>, как бы мы с ним не провалились. Но съезд необходим, — и пусть будет, что будет. Твердо уверен, что Вы пожалуете — и с докладом. Все дело съезда в руках Главнауки в Москве, и мы здесь ничего не знаем. Получаем кое-какие сведения из случайных источников. С Ленинградом всегда было работать вольготнее» [127].

Крачковский, как известно, не участвовал в Конференции археологов СССР в Керчи (5–10 сентября 1926 г.), названной в письме Маркевича съездом, но его крымские друзья подробно информировали его об ее работе.

Организаторы, стремясь наследовать традиции проходивших в досоветское время в Российской империи раз в три года Археологических съездов [128], собрали в Керчи ведущие научные силы страны. В докладах столичных и местных историков и археологов были подняты важные аспекты крымоведения в целом [129]. Филоненко в письме от 27 сентября 1926 г. отмечал: «Я был на Керченской конференции. Не знаю, как проходили раньше археологические съезды, но Керченская конференция носила какой-то карьерный характер. Для того, чтобы угодить кому-то, подчас искажалась истина. Особенно профессор Бороздин в этом отношении оказался виртуозом. Несколько разочаровал меня и Н. Я. Марр [130]. Как-то странно было слышать из его уст об “империализме в наших научных учреждениях” и том, «что всех старых ученых нужно разогнать» и чем скорее, тем лучше, и, наконец, шедевр всего — это тост на банкете “За здоровье первого тюрколога В. В. Бартольда и Коммунистическую партию”!

Главный доклад Николая Яковлевича [Марра] был — это “Скифский язык”. Слушать и понимать Николая Яковлевича без привычки очень трудно. На своем “Яфетическом коне” [131] он, как вихрь носится с Востока на Запад, с Запада на Восток, разбрасывая вокруг себя “третий элемент”, “материальную культуру”, “проблемы”. Все как-то сторонятся, жмутся, боясь быть раздавленными. А, в общем, все выступления Николая Яковлевича всегда сопровождались шумным успехом. Как новость, среди других секций, была и секция турецко-татарской археологии. Бороздин, Башкиров, Боданинский — возглавляли ее. Очень интересны и содержательны были доклады Спицына, Городцова и Фармаковского» [132].

Арсений Иванович свои комментарии о Керченской конференции отослал Крачковскому только 10 октября 1926 г. Ему было не до писем. В это время ав-

торитетный краевед вынужден был отстаивать свою честь архивиста и порядочного человека в конфликте с малограмотным заведующим КрымЦентрархивом И. Н. Прохоровым [133]. Маркевич сообщал в Ленинград: «<...> на меня совершенно свалилась неприятность по службе в Центрархиве Крыма, и я стал жертвой невежества, бессовестности и подлости его заведующего. Меня вытурили из Архива и обвинили, чуть ли не в контрреволюционных деяниях. Я потребовал строжайшего расследования дела, которое и происходит теперь в разных учреждениях, вызывая ко мне полное сочувствие» [134].

В этом же письме, ниже Арсений Иванович комментировал археологическое собрание в Керчи: «Вы уже знаете многое от Сергея Федоровича [Платонова] и Николая Яковлевича [Марра]. По моему мнению, она [конференция] вышла удачной, хотя чувствовалось отсутствие многих крупных научных величин, выразившееся в малом количестве обобщающих докладов. Громадное большинство их касалось вопросов частного характера, хотя и интересные. Выше всего заявил себя, конечно, Ленинград, Москва спасовала. Но для первого съезда, созванного после большого перерыва и сложившегося наскоро, да еще в маленьком городке, — Керченская конференция заявила себя хорошо» [135].

Игнатий Юлианович не забыл поздравить своих крымских коллег в январе 1927 г. с 40-летним юбилеем Таврического общества, истории, археологии и этнографии. В ответном письме от 11 февраля Маркевич и Эрнст благодарили академика за внимание к крымской ученой организации [136].

В письме Филоненко Крачковскому от 21 апреля 1927 г. — новая интересная тема для обсуждения: работа в Симферополе съезда Общества по изучению Крыма [137]: «Только что окончился съезд, который устраивало Общество по изучению Крыма в Москве. Правление этого общества переходит в Симферополь, из “РОПИКа” превращается в “ОПИКа”. Конечно, Бороздин, Башкиров, Фомин — главенствовали. Ждали Петрова и Марра, но они не приехали. Съезд прошел нудно и скучно. А самое главное — ничего нового. Пережевывала старое» [138].

В письмах мы находим и комментарий Филоненко о проходившей с 10 по 13 сентября 1927 г. второй Конференции археологов СССР в Херсонесе [139]: «С горя уехал в Херсонес на конференцию, которая, нужно сказать, прошла очень вяло. Мало было приезжих, человек 60 не более, неинтересные доклады, более восхваляли Гриневича, так что можно было подумать, что происходит не столетний юбилей раскопок Херсонеса, а юбилей Гриневича» [140].

С конца сентября 1927 г. до начала апреля 1928-го объектом внимания в переписке Крачковского с Филоненко был проект, а затем его реализация, установки памятника доктору арабской словесности Н. А. Медникову [141]. В связи с десятилетием кончины своего коллеги Игнатий Юлианович беспоко-

ился об установке памятника на его могиле. Филоненко — ученик Н. А. Медникова — сообщал, что местные научные силы с просьбой о разработке проекта памятника обратились к известному крымскому архитектору, видному деятелю памятникоохранительного движения Павлу Ивановичу Голландскому. Крачковский же настаивал на том, чтобы проектом памятника занимался Боданинский, который еще в досоветское время приобрел известность талантливого художника-декоратора [142].

8 июля 1928 г. Филоненко сообщал Крачковскому о готовых надписях на памятник: «Арабскую надпись писал Осман Акчокраклы, русскую же, в таком же духе, любезно согласился написать Усеин Боданинский». При этом Филоненко в свойственной ему манере иронически заключил: «Таким образом, марксистский подход и коллективизм в работе были выполнены на все сто процентов» [143].

О ходе работ по изготовлению памятника Н. А. Медникову Крачковского информировал Маркевич. 21 ноября 1928 г. Арсений Иванович, рассказывая об установке монумента. Он подробно сообщил о состоявшемся 19 ноября 1928 г. заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии. Отдельный доклад «Памяти Медникова» тогда был прочитан Филоненко, который слушал его лекции в столичном университете и остановился на заслугах покойного в деле изучения Палестины в арабский период, его разработках по арабской грамматике и литературе. Осман Нури-Асанович Акчокраклы в выступлении вспоминал о своем знакомстве с Медниковым и его человеческих качествах [144].

В письме от 18 июля 1928 г. Филоненко подробно описывал сложную ситуацию, создавшуюся в Евпаторийском музее, где, по его наблюдениям, царила «большая неразбериха»: «Новый заведующий [145] все хочет делать по-новому. Это вполне естественно. Полина Яковлевна [Чепурина], конечно, с ним спорит. В результате не спорят, а только разозляют. Обидно, что никак не удастся убедить Полину Яковлевну примириться. Но хуже всего страдает Караимская библиотека. Это какой-то мертвый капитал. И никому нет до нее дела. И никто не знает даже, что там есть. Я не говорю про рукописи. Я имею вообще все печатные книги, там находящиеся. Ведь нет никакого каталога. Да что каталога! Нет самой простой описи. И найти там нужную книгу — дело невозможное. Я пытаюсь там описать книги Шапшала. Не знаю, удастся ли довести эту работу до конца, ибо администрация в лице библиотекаря Ильяшевича [146] страшно боится такой описи: «<...> узнают татары, что у нас тут есть, и прощай библиотека...» И вот из-за этого страха — библиотечный хаос — книги портятся, покрываются плесенью, тлеют. А есть очень и очень интересные книги. Все издания нашего факультета [147], кажется с 50-тых годов [XIX

века], почти все иностранные издания. Очень много арабских грамматик на немецком и французском языках. И все это без всякого употребления. Даже бо- ятся сказать кому-нибудь об этом» [148].

Продолжая тему судьбы караимского книжного собрания при Евпаторий- ском музее, 17 апреля 1929 г. Филоненко сообщал Крачковскому: «Ельяшевича «вычистили» как караима-юдофоба. Кандидата подходящего не оказалось и библиотека была закрыта. Директор сказал, что у него есть кандидатура — караим, но пока библиотека закрыта <...>. Заведующий музеем тяготеет к би- блиотекой и хочет избавиться от нее. Не обратился ли он сам в Румянцевский музей через Гурлянда [149]. Причем летом Гурлянд был в Евпатории, собирал какие-то сведения о евреях. Заведующий музеем — тоже еврей, и Гурлянд очень сошлись на одном пункте: отрицательное отношение к караимам» [150].

Противник передачи караимской книжной коллекции бывшему Румянцев- скому музею в Москве, Крачковский считал необходимым передать ее в фонды Библиотеки Академии наук в Ленинграде.

В письме от 7 марта 1930 года Филоненко вновь сообщал о судьбе Карай- Битиклиги: «Недавно была здесь [в Симферополе] Чепурина, и говорила о яко- бы готовящемся покушении на караимскую библиотеку, чуть ли даже ни о вы- возе ее за границу, как большую ценность! Она просила меня сообщить Вам об этом и Михаилу Николаевичу [151]. Пусть тогда уже Академия наук или Азиатский музей возьмут ее. Действительно с библиотекой дело не ладится. Я несколько раз поднимал вопрос о ней в Наркомпросе, но от нее просто отма- хиваются. Очевидно, не желают возиться и очень может быть, что и вывезут ку- да-нибудь» [152].

Интересную информацию о судьбе части коллекции Карай-Битиклиги и биографии научного сотрудника Института востоковедения АН СССР, буду- щего в 1936–1937 г. директора Государственного дворца-музея тюрко-татар- ской культуры Вульфа (Владимира) Лейбовича (Львовича) Дашевского (1883–1942) [153] содержит письмо Филоненко от 15 февраля 1931 г.: «Правда, был здесь Дашевский. На этот раз его здесь встретили довольно холодно и ма- ло верили всем его рассказам, хотя он на этот раз наиболее легковерным вы- давал себя, как думаете за кого? За внука Сильвера-де-Саси!

А попросту он крымчак, его фамилия Бакши и по всему поведению свое- му, личность довольно темная. Ему удалось увезти караимскую библиотеку — рукописи, и несколько инкунабул. Не знаю, специально он был командирован с этой целью, или нет. Бумаг своих он вообще не охотно показывает, всех руга- ет, себя хвалит. А главное — всем говорит разное. Это, кажется, его и погуби- ло в общественном мнении. Но ему, по-видимому, на все наплевать. Лишь бы добиться своего. А какими путями — безразлично» [154].

Крачковский охотно способствовал размещению в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатской музее АН СССР» интересного исследования Филоненко «Крымские цыгане» [155]. По уровню теоретической подготовки Филоненко, конечно, выделялся среди коллег — преподавателей педагогического института в Симферополе. Поэтому Игнатий Юлианович поддерживал стремление студенческого друга опубликовать результаты своих разработок во все-союзных изданиях [156]. Следует отметить, что Игнатий Юлианович вообще болезненно реагировал на то, что востоковедческие периодические издания и брошюры, в частности, издаваемые Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения, основное место уделяли только дискуссиям по вопросам национально-освободительного движения на Востоке и организации археолого-этнологических экспедиций. Ведь во главе ассоциации стоял М. П. Павлович [157] — человек, не имеющий востоковедного образования, профессиональный революционер, позволявший себе пренебрежительно высказываться о значении изучения древних восточных языков и цивилизаций, конечно же, со скепсисом относящийся к досоветским ориенталистическим школам [158]. В этой связи Крачковский, говоря о задачах Академии наук, в мае 1928 г. писал: «У нас принято хвалиться успехами востоковедения, причем часто это выражается в форме старого лозунга о закладывании шапками, но здесь далеко не все обстоит благополучно... Научное востоковедение очень часто смешивают с журнальной литературой по Востоку, а для специальных работ часто приходится искать приют за границей» [159]. Поэтому академик приветствовал появление новых оригинальных разработок, помогал коллегам с публикацией в центральных изданиях.

Филоненко постоянно сообщал Крачковскому о тяжелой психологической атмосфере в пединституте, о своих опасениях по поводу увольнения. 10 июня 1929 г. он, в частности, писал: «Неважно чувствует себя и остальная профессура. Беспокоит всех чистка. Сначала казалось, что в этом году она нас не коснется, а теперь, согласно какому-то циркуляру, для статистики, как говорят “комиссия чистительная” формируется и у нас. И ждут все этой “статистики” этих “вечеров неожиданностей”» [160].

«У нас после “бури” из-за Лукьяненко, Деревецкого и проч., наступила тишина. Они отделались, сравнительно легко» [161], — писал Филоненко Крачковскому 10 февраля 1934 года. А 5 марта добавил: «У нас борьба с уклонами и искажениями идеологическими в Пединституте продолжается. После истории с Деревецким и Лукьяненко, нечто подобное случилось и с хорошо известным Вам Николаем Львовичем Эрнстом [162]. В последнее время, помимо музея, он работал и в Институте. Читал курс истории Востока и Запада. И вот за “умышленное и систематическое искажение учения Маркса и Энгельса” (реви-

зия “Происхождение семьи[,] [частной] собственности [и государства]” Энгельса) Н. А. Эрнст снят с работы» [163].

В 1929 г. Крачковский году вновь посетил Крым для непосредственного ознакомления с эпиграфическими памятниками арабской письменности, сохранившимися на полуострове. В воссоздании подробностей этой поездки академика нам вновь способствует его дорожный дневник. Ученый отбыл из Ленинграда 21 июля [164]. Если в 1924-м Крачковский ознакомился с рукописными и книжными собраниями Бахчисарая, Евпатории и Симферополя, то на сей раз его основное внимание привлекли надписи, выявленные в результате раскопок 1920-х в Старом Крыму. Найденные там памятники поместили в специально созданное «Древлехранилище», где образовалось более сотни «доступных транспортировке» экспонатов [165]. 23 июля ученый записал: «11 часов дня. Приехали в Старый Крым. Нас доставили на дачу Туманова, где в отсутствии хозяев все достаточно примитивно. Но с неделю просуществовать будет можно» [166]. Во время экспедиции академик Крачковский особое внимание уделил исследованию надгробий и надписей на мечети Узбека. В своем отчете, составленном для Академии наук, ученый отметил, что местными научными силами проведена уже определенная работа по изучению и сохранению этнографических памятников: «<...> они вплотную занимают большую комнату и два крытых сарая во дворе». При этом академик особенно отметил роль в проведении памятникоохранных работ Османа Нури-Асановича Акчокраклы [167]. Запись дневника от 27 июля, суббота: «Прибываем на даче Туманова, из которой выбираемся во вторник. Существовать можно, не считая всяких хозяйственных неудобств» [168].

На важность изучения памятников Старого Крыма внимание Крачковского впервые обратил Маркевич. Еще 25 марта 1925 г. руководитель крымских краеведов писал в Ленинград: «Я бесконечно рад, что обратил Ваше внимание на Эски-Крым, который дождался, наконец, научного обследования, к сожалению, так запоздавшего» [169]. Маркевич подробно познакомил своего коллегу с результатами раскопок 1924 г., проведенных под руководством А. С. Башкирова, И. Н. Бороздина и Н. А. Эрнста. При этом он заметил: «Я не теряю надежды и уверенности, что Вы, Игнатий Юлианович, не отложите в долгий ящик мысли о поездке в Старый Крым, куда тоже влечет Вас. Не приедете ли в этом году? Кстати, в мае текущего года будет у нас Всекрымский краеведческий съезд (приблизительно 10–17 мая), в котором Ваше участие было бы так дорого для нас, а в будущем году предполагается устроить в Крыму археологический съезд по случаю 100-летия со времени открытия в Керчи музея древностей. Кроме всего другого имейте в виду, что Старый Крым редчайшее место для отдыха, а близость Судака, Отуз, Феодосии и Керчи делают его еще более инте-

ресным местом летнего пребывания, т. е. вообще вакационного» [170].

Узнав о приезде на полуостров Крачковского, У. А. Боданинский писал ему 1 августа 1929 г. в Старый Крым: «Очень рад, что Вы в Ст[аром] Крыму. Думаю, что Вы будете там чувствовать себя хорошо. Во 2-ую половину августа мы думаем ехать туда заканчивать раскопки медресе рядом с мечетью Узбека. Одновременно пишу Эдуард[у] Яковл[евичу] Бэру, чтобы он оказал Вам всяческое содействие, по осмотру ст[аро]крымских древностей и армянского монастыря XIV в[ека] «Сурб-Хач», расположенного в лесу в 4–5 километрах от города» [171].

С Маркевичем Крачковский, как свидетельствует дневник, встретился в сентябре, после экспедиционных разысканий в Старом Крыму. 5 сентября Крачковские «прибыли в Феодосию на автомобиле. Завтра в Симферополь. Остановлюсь в отеле Астория. Осмотрели галерею Айвазовского» [172]. Приехав в Симферополь, в субботу 7 сентября «пробыли у Маркевича и бродили в городе за всякими покупками» [173].

Имея возможность оперировать крымскими материалами, Крачковский, вернувшись в Ленинград, занялся разработкой программы для подготовки свода арабских источников для Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии. Спустя год — 27 ноября 1930-го — он выступил с докладом о своем проекте в отделении общественных наук АН СССР. Предполагалось «1) составить критико-библиографическую сводку всей научной литературы (русской и иностранной), с привлечением арабских источников, которые имеют отношение к Восточной Европе, 2) составить именную картотеку тех арабских писателей, сведения которых полностью или частично подвергались анализу или переводу в предшествующей литературе; по окончании этой работы, отчасти в ходе ее можно будет: 3) установить фиксированный список тех авторов, которые должны войти в издание, по возможности с точным определением материала в каждом отдельном случае, и 4) выработать детальные принципы перевода и техники издания» [174]. К сожалению, предполагавшийся Крачковским свод не был подготовлен. Слишком грандиозным оказалось запланированное мероприятие. Лишь над отдельными, наиболее интересными памятниками, в том числе и крымского происхождения, велась работа [175].

16 июня 1930 г. Филоненко сообщал Крачковскому, что его «сватают» в новый Институт востоковедения, который предполагалось создать путем слияния Азиатского музея, Коллегии востоковедов, Туркологического кабинета, Института буддийской культуры и Кавказского историко-археологического института. Виктор Иосифович беспокоился, что подготовка у него не та [176]. В ответ на опасения друга, будто тот может занять чужое место, Игнатий Юлианович высказывается довольно откровенно о ситуации в академической среде тех лет: «Думаю, что новые сотрудники будут подбираться по признаку

партийности, а не научных заслуг. <...> Бояться же того, что Вы сядете на чье-то место, не приходится: нынче обычно на Ваше место садятся, а не Вы на чужое» [177].

До настоящего времени постоянный интерес крымоведов продолжает вызывать вопрос о рукописном наследии Маркевича. Важнейшим источником о существовании неизвестных сегодня трудов Маркевича являются его письма к различным ученым из столиц, которым он отправлял для публикации свои работы [178]. 12 сентября 1930 года Арсений Иванович писал Крачковскому: «Спасибо Вам за доброе слово о моих писаниях, слабых по существу. Я был бы удовлетворен, если бы хоть темы их привлекли внимание к себе. Но пока они вызывают не ругань, а лай, который, конечно, Вы прочли в № 29 Нового Востока [179]. Но он меня не тронул, потому что выражен в передержках и криво-толках, происхождение которых вполне понятно.

Но А. Н. Самойлович еще в Ленинграде поторопился посоветовать мне взять назад другую статью, уже набранную для Академ[ических] Известий, вместо изменения двух фраз, — и это я сделал, чтобы больше не беспокоить Академию своей особой. А со статьями, посланными в Киев по настойчивой просьбе акад[емика] Крымского [180], вышел курьез особого рода: мне до сих пор не прислали оттиски их и книги, где они напечатаны. Только из Вашего письма я узнал, что они вышли в свет... Спасибо за внимание. А тему о *культурном* прошлом Крыма я продолжаю разрабатывать, и вчера окончил новую статью в этом духе, связанную отчасти даже с Академией наук: Она касается личных отношений двух крымских деятелей науки Хр. Хр. Стевена и академика Петра Ив. Кёппена, главным обр[азом] на основании их переписки, которая до сих пор никому не была известна» [181].

22 августа 1930 г. Маркевич со скорбью писал Крачковскому о смерти выдающегося российского ориенталиста, чьи научные разработки также проходили в русле крымоведения — Василия Владимировича Бартольда (1869–1930): «<...> беда для бедной нашей науки, которой истинной красой и гордостью был (в моем сознании) покойный Василий Владимирович» [182]. Хорошо лично знавший В. В. Бартольда, Маркевич устроил специальное заседание Таврического общества истории археологии и этнографии [183]. 6 ноября 1930 г. он сообщал Крачковскому: «Вчера наше Общество почтило в заседании память пок[ойного] В. В. Бартольда речью В. И. Филоненко и самой теплой и живой беседой о нем, сильно отразившейся даже на настроении лиц, не связанных с нашей востоковедной наукой. А меня просто умилило то, что в нашем убогом в научной отношении Симферополе, с загнанным в подполье Восточным отделением Пединститута, превращенном в среднюю школу, горсточка людей старого закала и добрых традиций воздала должную дань памяти Василия Владимировича» [184].

Переписка Крачковского с Филоненко обнаруживает неизвестные страницы биографии видного советского историка, филолога-балканиста Николая Севастьяновича Державина (1877–1953). Приведенные Филоненко факты объясняют нюансы взаимоотношений Маркевича с Державиным [185]. Так, 7 апреля 1928 г. сообщая о том, что Николай Севастьянович прислал в Таврическое общество истории, археологии и этнографии «пространную Curriculum vitae» для выдвижения от Общества в академики, Филоненко со свойственной ему прямоотой заметил: «Арсений Иванович вместо того, чтобы ответить отказом, по своему угождению, кому нужно и кому не нужно, с особенной энергией взялся за это дело. На этой почве у нас ним произошел разлад. В результате, несмотря на мой протест, Державина все-таки избрали, но 2 голосами при 10 воздержавшихся! Чтобы не так было стыдно, по моему настоянию избрали и Самойловича, который прошел единогласно» [186]. Не случайно благодарный Н. С. Державин в последующем помогал Маркевичу с получением персональной академической пенсии [187].

Интересные материалы к биографике крымских краеведов содержит и переписка Крачковского с Маркевичем. Так, 4 апреля 1931 г. Арсений Иванович сообщал в Ленинград: «В здешней жизни не видно ничего отрадного. Две недели назад мы похоронили здесь жену Ю. Ю. Марти, завед[ующего] Керченским музеем древностей. Мания преследования, боязнь за участь мужа и сыновей, перешла у нее в острое, бурное помешательство. Муж привез ее сюда, поместил в больницу душевно больных, но через неделю она скончалась, не придя в сознание. Как могли, мы утешали бедного Юлия Юльевича, который проводил у нас свободные часы.

Другое печальное событие — общественного значения. Приказало долго жить и наше Таврическое общество истории, археологии и этнографии» [188].

Уже с июля 1933 г. Филоненко постоянно делился с Крачковским своим намерением покинуть полуостров, где становилось все более небезопасно. 8 июля он сообщал, что ему «неоднократно предлагали хорошую работу в Москве и других городах» [189]. 14 октября того же года он писал: «Очень может быть, что снимусь с места и двинусь в неведомую и далекую Каракалпакцию. Одно меня удерживает здесь, что там оказался хорошо известный Вам и мне А. А. Соколов [190]. <...> Работать с ним, да еще под его началом, — призадуматься» [191].

21 января 1934 г. Виктор Иосифович сообщал более детально: «Меня приглашают на работу в Каракалпакский научно-исследовательский институт (в г. Турткуле) на кафедру материальной культуры и этнографии». А 6 апреля 1935 г. Филоненко писал в Ленинград уже из Турткуля: «Скажу теперь, сделал непоправимую глупость, забравшись сюда. Не знаю, как удастся выбраться.

Николай Константинович Дмитриев предупреждал — не надо ехать. <...> Самый город, черт его знает, что такое. Пыль — света не видно. <...> Воды хорошей нет. Есть соленая. <...> Одним словом, бытовые условия жуткие. <...>

Лучше в Крыму быть ночным сторожем, чем здесь научным работником, руководителем группы этнографии и действительным членом Научно-исследовательского института» [192].

Переписка Крачковского с Филоненко продолжалась и в последующие годы, но крымскую тематику обходили стороной. К этому времени классическое научное крымоведение было практически уничтожено. Маркевич перебрался в Ленинград к дочери и поближе к своим друзьям-академикам. О. Н.-А. Акчокраклы, У. А. Боданинский и блестящая плеяда других крымскотатарских деятелей науки и образования были репрессированы. Ориенталистические штудии в Крыму были задушены.

Дружба Крачковского и Маркевича продолжалась до последних дней жизни последнего. Тем более что Арсений Иванович все чаще и чаще в суровые 30-е гг. навещался к дочери в Ленинград, а перед войной и вовсе переселился туда. В личном архивном фонде Маркевича, который оформился в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, сохранился неопубликованный отзыв Игнатия Юлиановича о научно-общественной жизни Маркевича [193], написанный после войны, очевидно по просьбе руководства Института, когда образовывался фонд.

Между тем, приезд столь крупной научной фигуры, каким был академик Крачковский, в Крым и чтение им курса в Крымском университете были знаковыми для развития крымской ориенталистики 1920-х. Местные историки непосредственно связывали с этим свои успехи в развитии востоковедения. Об этом спустя много лет вспоминал Виктор Иосифович Филоненко в письме к Андрею Петровичу Ковалевскому от 23 ноября 1957 года: «Приятно было узнать, что делаются попытки воскресить востоковедение в Крыму и на Украине. Все предпосылки к тому имеются. Ведь в Крыму, в Университете, с 1918 по 1926 год был факультет Восточных языков, где читались арабский, персидский и тюркские языки. Даже Игнатий Юлианович приезжал в Симферополь и читал курс Арабской литературы.

В 1926 году Университет был преобразован в Пединститут [194], а факультет Восточных языков в татарское отделение языка и культуры, но Востоковедение продолжало жить вплоть до 1943 года [195], когда татары были высланы из Крыма.

С высылкой татар из Крыма умерло в Крыму и востоковедение. Теперь, когда крымские татары вернулись из ссылки, правда, не на свои прежние места жительства, а в Татреспублику, говорить о них и изучать их историю, культуру, быт и язык уже можно» [196].

Оптимизм Виктора Иосифовича Филоненко по поводу якобы начала возрождения ориенталистических исследований в регионе на фоне дымки демократизации общественной жизни в Советском Союзе в те годы вполне объясним. Ведь он непосредственно был современником неповторимой эпохи расцвета крымского востоковедения. Он не знал, что пройдут еще целые десятилетия, пока начнется процесс настоящего возрождения крымской ориенталистики.

1. Этот аспект полностью выпал и в разработанной украинским востоковедом Андреем Петровичем Ковалевским (1895–1969) библиографической подборке «И. Ю. Крачковский и Украина». См.: ЦГАМЛИУ, ф. 149, оп. 1, д. 36. А. П. Ковалевский был лично знаком с ленинградским академиком. В воспоминаниях о нем заметил, что Крачковский «старался всюду и всячески привлечь нужных ему людей и поставить их на работу, <...> обладал особенностью заставлять людей работать, как-то заражая их своим энтузиазмом». См.: ЦГАМЛИУ, ф. 149, оп. 1, д. 44, л. 1, 2.

2. Азиатский музей — первое востоковедческое учреждение Санкт-Петербургской Академии наук. Создан в 1818 г. на базе восточной коллекции Кунсткамеры. В 1835-м коллекции одежды и предметов были переданы в Этнографический музей, в связи с чем музей превратился в сугубо научное учреждение, которое занималось сбором, хранением и изучением восточных рукописей и монет. Здесь оформилась уникальная востоковедческая библиотека. До 1912 г. штат учреждения состоял только из директора-академика и хранителя. К 1916 г. в связи со значительным увеличением книжного и рукописного собраний число сотрудников выросло до шести человек. С установлением Советской власти Азиатский музей был преобразован в координирующий востоковедный центр Петрограда–Ленинграда (штат доведен до 18), создана Коллегия востоковедов. В 1930-м Азиатский музей преобразован в Институт востоковедения АН СССР. См. подробнее: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / Ин-т востоковедения АН СССР; Ред. колл. А. П. Базианц и др. — М., 1972; Востоковедение в Петрограде, 1918–1922: Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук / Вступ. ст. В. Котович. — Пг, 1923; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / Редкол.: А. А. Вигасин и др. — М., 1997. — С. 18–23.; *Примаков Е. М.* Востоковедение на рубеже двух эпох // Сергей Федорович Ольденбург: [Сб. ст.] / Отв. ред. Г. К. Скрябин. — М., 1986. — С. 13–20.

3. См. об И. Ю. Крачковском: *Гордлевский В. А.* И. Ю. Крачковский: Общая характеристика // Советское востоковедение. — М.; Л., 1941. — Т. 4. — С. 13–18; *Кононов А. Н.* Академик Игнатий Юлианович Крачковский: К 100-летию со дня рождения, 1883–1951 // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XVII годичная научная сессия Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР: Доклады и сообщения. Январь 1982: В 2 ч. — М., 1983. — Ч. 1. — С. 11–24; То же // Известия АН СССР. Сер.: Литература и язык. — М., 1983. — Т. 42. — № 4. — С. 374–382.; *Кочубей Ю.* Великий дослідник Сходу: До сторіччя з дня народження Г. Ю. Крачковсько-го // Всесвіт. — 1983. — № 12. — С. 121–124.

4. Этот аспект не освещен в монографии А. А. Долининой «Невольник долга», посвященной жизни И. Ю. Крачковского, которая увидела свет в 1994 г. в издательстве «Петербургское востоковедение».

5. Смелянская И. М. Переписка академиков А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского 1920–1930-х годов // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. — М., 1997. — С. 155–368.

6. См.: Непомнящий А. А. «Еще держится у нас старая культурность...»: Новые материалы по истории крымоведения в переписке местных историков с академиком И. Ю. Крачковским // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2007. — № 19. — С. 181–202.

7. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 40–47, 331–335.

8. Игнатий Юлианович так описывал свою комнату в Коллегии Александра III: «Номер мой величины поучительной: имеет в длину 9 шагов в ширину $5\frac{1}{2}$. В нем с успехом помещаются две кровати, два письменных стола, этажерка для книг, шкаф платяной, два маленьких столика и четыре стула. Кроме того, остается достаточный проход. Для ходьбы имеется коридор шагов в сорок» (ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 26, л. 24).

9. См. о В. И. Филоненко: Баскаков Н. А. Виктор Иосифович Филоненко // Советская тюркология. — Баку, 1977. — № 5. — С. 106–108; Дашкевич Я. Сходознавец Виктор Йосипович Филоненко // Архіви України. — Київ, 1967. — № 2. — С. 29–30; Урсу Д. П. Професори Таврійського університету (1918–1941): Біографічні нариси / Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського. — Симферополь, 2005. — С. 78–85; Dubicki A. W. I. Fionienko, 1884–1977 // Przegląd orientalistyczny. — Wrocław, 1978. — № 106. — S. 201.

10. Урсу Д. П. Востоковед профессор В. И. Филоненко: Жизнь и труды: К 25-летию со дня смерти // Востоковедный сборник / Таврич. экологич. ин-т. — Симферополь, 2002. — Вып. 5. — С. 7–8.

11. Монастырлы Харлампий Афанасьевич, преподаватель Симферопольской мужской гимназии, с 1903 г. — инспектор Симферопольской татарской учительской школы. См. формулярный список: ГААРК, ф. 104, оп. 1, д. 1263, 1264. См. о Х. А. Монастырлы: Непомнящий А. А. Из истории подготовки «Археологической карты Крыма»: По данным переписки Ю. А. Кулаковского с А. И. Маркевичем // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Зб. наук. пр. / ППСМ АМУ. — Київ, 2006. — Вип. 3, ч. 2. — С. 127–142.

12. Казас Илья Ильич (1832–1912), псевдоним: «Караим», инспектор Симферопольской татарской учительской школы, позже Евпаторийского Александровского караимского духовного училища, издатель-редактор газеты «Таврида». См. о нем: Прохоров Д. А. И. И. Казас и вопросы развития исторического краеведения в Крыму в конце XIX — начале XX вв. // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2003. — № 1. — С. 44–52; Прохоров Д. А. И. И. Казас — инспектор Симферопольской татарской учительской школы // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 2003. — Вып. 10. — С. 599–621; Прохоров Д. А. И. И. Казас — просвітитель караїмів та кримських татар: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / 07.00.02; Ін-т сходознавства ім. А. Кримського НАН України. — Київ, 2005.

13. Автобиография Виктора Иосифовича Филоненко, составленная им 8 апреля 1974 года в г. Пятигорске / Подг. Д. П. Урсу // Востоковедный сборник. — Вып. 5. — С. 19.

14. ГААРК, ф. Р-3864, оп. 1, д. 343, л. 1–25; ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 1–407; д. 923, л. 1–373.

15. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 31–32.

16. Там же, л. 37–37 об.

17. Урсу Д. П. Востоковед профессор В. И. Филоненко... — С. 8.
18. Речь идет о Бекире Вагаповиче Чобан-заде (1893–1937) — выдающемся крымскотатарском ученом-лингвисте. См. о нем: Урсу Д. П. Бекир Чобан-заде: Жизнь. Судьба. Эпоха. — Симферополь, 2004.
19. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 45–46 об.
20. Там же, л. 49 об., 50 об.
21. Филоненко В. [И.] Восточный факультет Крымского государственного университета в г. Симферополе // Новый Восток. — Москва, 1923. — № 3. — С. 580–581.
22. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 67–67 об.
23. Там же, л. 72–75.
24. Там же, л. 84–84 об.
25. Исмаил Номанович Леманов (1871–1942) — языковед, педагог. Образование получил в Стамбуле и Каире. Был секретарем мусульманской фракции в Государственной думе России. С 1921 г. — преподаватель факультета востоковедения Крымского университета (педагогического института) им. товарища М. В. Фрунзе (с 1933 г. — заведующий кафедрой татарского языка и литературы). После увольнения в 1934 г. переехал в Ленинград, где работал в отделе рукописей Института востоковедения АН СССР. В связи с арестом в ноябре 1938 г. составлена характеристика Леманова, где отмечалось, что он «самый лучший работник отдела рукописей». В июне 1939 г. освобожден. У Крачковского была возможность лично познакомиться с Лемановым и убедиться в необъективности своего крымского корреспондента. См. об И. Н. Леманове: Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): Биобиблиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. — Симферополь, 1999. — (Источник знаний; № 2). — С. 125–126.
26. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 87.
27. Там же, д. 592, л. 90.
28. Долинина А. А. Невольник долга // Петербургское Востоковедение. — СПб, 1994. — С. 172–174.
29. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 94.
30. Там же, л. 97, 98 об.
31. Крачковский И. Отчет о командировке в Крым летом 1924 года // Известия Российской академии наук: Сер. 6. — Л., 1924. — Т. 18, № 12/18, ч. 2. — С. 662.
32. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 40.
33. Вера Александровна Крачковская (1884–1974) (в первом браке — Фармаковская, 1906–1911) — востоковед, эпиграфист, доктор исторических наук. В составе личного архивного фонда Крачковского отдельным блоком (оп. 9) отложились документы В. А. Крачковской, в том числе — её многочисленные пейзажи, рисунки крымских городов, собрания фотографий. См.: ПФАРАН, ф. 1026, оп. 9, д. 37, л. 1–23; д. 47, л. 1–33; д. 65, л. 1–46.
34. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 40 об.
35. Там же, л. 41.
36. Там же, л. 41 об.
37. Крачковский И. Отчет о командировке... — С. 662.
38. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 41 об.–42. Речь идет об И. Н. Леманове и С. Б. Ефетове.

См. о них далее.

39. Там же, л. 42–42 об.
40. Там же, оп. 3, д. 144, л. 1.
41. *Крачковский И.* Отчет о командировке... — С. 663.
42. Там же.
43. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 42 об.
44. Там же, л. 43.
45. Там же.
46. БГИКЗ, кп. 9569, д. 386, л. 45.
47. Там же, л. 46.
48. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 44 об.
49. Там же.
50. Там же.
51. БГИКЗ, кп. 9569, д. 386, л. 47.
52. Там же.
53. *Урсу Д. П.* Бекир Чобан-заде: Жизнь. Судьба. Эпоха. — С. 103. Первым об этом сообщил профессор Кильского университета (Германия) Теодор Менцель: *Menzel T.* Ueber die werke des russischen arabisten Крайковскій // Archiv orientální. — Praha, 1930. — Vol. 2, № 1. — S. 54–86.
54. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 44 об.–45.
55. Там же, л. 45.
56. *Крачковский И. Ю.* Отчет о командировке... — С. 666.
57. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 45 об.
58. Там же.
59. БГИКЗ, кп. 9569, д. 386, л. 48–49.
60. Там же, л. 49.
61. *Крачковский И. Ю.* Отчет о командировке... — С. 664–666.
62. Там же. — С. 666–669. См. также: Karaimska Biblioteka Narodowa (Karaj Bitikligi) // Mysl karaimska. — Wilno, 1928. — Т. 1, з. 4/5. — S. 82.
63. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 46 об.
64. Там же, л. 47.
65. *Крачковский И.* Отчет о командировке... — С. 670.
66. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 211, л. 1.
67. Там же, оп. 3, д. 592, л. 1.
68. Там же. Говоря о «печальном периоде» истории университета, Маркевич имел в виду перевод вуза в разряд педагогического института.
69. Супруга У. А. Боданинского, дочь академика архитектуры Ивана Александровича Фомина.
70. Иосиф Абгарович Орбели (1887—1961) — академик, востоковед, член Таврического общества истории, археологии и этнографии с 1926 г.
71. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 144, л. 3–3 об.

72. *Крачковская В.* Татарское искусство и быт в Крыму // Восток. — М.; Л., 1925. — Кн. 5. — С. 213.
73. Там же. — С. 215.
74. Там же. — С. 216.
75. *Долинина А. А.* Невольник долга... — С. 232–233.
76. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 37, л. 68 об.–69.
77. За присылку книг Крачковского в письме от 17 февраля 1930 г. благодарит и жена болеешего тогда воспалением легких А. И. Маркевича — Анна Николаевна. См.: ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 593, л. 1 об.
78. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 100–101 и др.
79. Абибулла Абдурешитович Одабаш (1891–1938?) — поэт, педагог. Образование получил на историко-филологическом факультете университета в Стамбуле. С 1921 г. — сотрудник Наркомпроса Крымской АССР. В 1922–1928 гг. — преподаватель, доцент Крымского университета (педагогического института) им. товарища М. В. Фрунзе. См. о нем: Деятели крымскотатарской культуры ... — С. 148–151.
80. Семен Борисович Ефетов (1871–?) — караим, ассистент факультета крымскотатарского языка и литературы Крымского университета (педагогического института) им. товарища М. В. Фрунзе.
81. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 106–106 об.
82. Там же.
83. Сергей Сергеевич Салазкин (1862–1932) — биохимик. В 1919–1923 гг. — профессор (читал курс физиологической химии), а в 1923–1925 — ректор Крымского университета им. товарища М. В. Фрунзе. Одновременно в 1920–1921 гг. заведовал Алупкинским подрайоном Центрального управления курортами Крыма. С 1925 г. — профессор Ленинградского медицинского института. См.: Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / Сост. В. В. Бобков, [В. В. Лавров]. — [2-е изд.: исправ. и доп.]. — Киев, 2007. — С. 125–126.
84. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 117 об.
85. См. подробнее: *Урсу Д. П.* Бекир Чобан-заде: Жизнь. Судьба. Эпоха. — С. 107–108.
86. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 211, л. 2.
87. Там же, оп. 3, д. 592, л. 7–8.
88. Филоненко в это время являлся заместителем Маркевича (товарищ председателя) в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии.
89. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 129.
90. Сергей Федорович Платонов (1860–1933) — академик, член Таврической ученой архивной комиссии с 1902 г. См. о нем: *Брачев В. С.* Крестный путь русского историка: Академик С. Ф. Платонов и его «дело». — СПб, 2005; *Непомнящий А. А.* «Пока берегаем и спасаем...»: Неизвестные материалы по истории крымоведения в переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2006. — № 16. — С. 138–165; *Непомнящий А. А.* Новые материалы по крымоведению: По переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Зб. наук. пр. / ІПСМ АМУ. — Київ, 2007. — Вип. 4. — С. 98–144.
91. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 592, л. 13.
92. Протокол I заседания Общего собрания АН СССР 15 января 1927 г.: Приложение. — [М.,

1927]. — С. 88–89.

93. ПФАРАН, ф. 1, оп. 1 А, д. 176, л. 44 об.–46 об. См. также: Академия наук СССР: Персональный состав: В 2 кн. — М., 1974. — Кн. 2. — С. 154.

94. *Платонов С., Крачковский И.* Записка об ученых трудах проф. А. И. Маркевича // Известия Академии наук СССР. — Л., 1927. — № 18. — С. 1499–1503. См. также: Летопись Российской академии наук. — СПб, 2007. — Т. 4: 1901–1934 / Под ред. Э. И. Колчинской, Г. И. Смагина. — С. 613–614.

95. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 1, д. 211, л. 3.

96. Там же, оп. 3, д. 922, л. 186.

97. Там же, л. 195–199. И. Ю. Крачковский получил и официальное приглашение от Таврического общества истории, археологии и этнографии принять участие в сборнике в честь юбилея Арсения Ивановича Маркевича. См.: ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 211, л. 4, 5.

98. См.: Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. — Симферополь, 1927. — Т. 1 (58). — 208 с. Том посвящен А. И. Маркевичу «дабы ознаменовать <...> 50-летие его научной деятельности и 70-летие со дня рождения». Среди авторов 37-ми статей юбилейного сборника имена выдающихся ученых той эпохи — цвет советской исторической науки, — друзей Маркевича: академиком В. В. Бартольда, С. А. Жебедёва, И. Ю. Крачковского, Н. Я. Марра, С. Ф. Платонова, А. И. Соболевского; членов-корреспондентов АН СССР Д. В. Айналова, А. Н. Самойловича, профессоров И. Н. Бороздина, Б. В. Варнеке, Г. В. Вернадского, Ю. В. Готье, С. С. Дложевского, Н. С. Державина, В. В. Лункевича, Н. И. Новосадского, Е. В. Петухова, И. И. Толстого, В. И. Филоненко и др. В сборнике приняли участие и представители «новой волны» в крымском краеведении — О. Н. Акчокраклы, У. А. Боданинский, П. И. Голландский, К. Э. Гриневич, Б. С. Ельяшевич, И. С. Кая, Ю. Ю. Марти, П. Я. Чепурина, Н. А. Эрнст, Я. М. Якуб-Кемаль.

99. *Крачковский И. Ю.* Песнь арабского солдата // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. — Симферополь, 1927. — № 1 (58). — С. 108–112.

100. *Крачковский И. Ю.* Дополнение к статье «Песнь арабского солдата» // Там же. — С. 205.

101. Сейчас — Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского НАН Украины.

102. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 592, л. 25.

103. Илья Николаевич Бороздин (1883–1959) — историк-востоковед, член ТУАК с 1915 г. Научный сотрудник Московской секции Государственной Академии истории материальной культуры и Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. См. о нем: *Бороздина П. А.* «Думой века измерил...» // Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. — Воронеж, 2000. — С. 7–168; *Денике Б.* К двадцатипятилетию научно-литературной деятельности проф. И. Н. Бороздина // Новый Восток. — М., 1929. — № 25. — С. 383; Илья Николаевич Бороздин: Библиография / Сост. В. А. Афонюшкин (ред.), А. Н. Горляйнов, И. И. Романова; Воронежский гос. ун-т. — Воронеж, 1959.

104. Алексей Степанович Башкиров (1885–1963) — историк-крымовед, доктор исторических наук, профессор. После окончания Санкт-Петербургского университета и столичного Археологического института работал в Русском Археологическом институте в Константинополе, позже — Петроградском университете. В дальнейшем преподавал в Московском, Самарском университетах, Калининском Московском имени В. П. Потемкина, Ярославском имени К. Д. Ушинского педагогических ин-

ститутах. В последнем — заведовал кафедрой всеобщей истории. С 1924 по 1933 г. являлся сотрудником Государственного исторического музея. С 1924 по 1934 г. — действительный сотрудник Института археологии и искусствознания и Института народов Востока РАН. См. о нем: *Пятышева Н. А. С. Башкиров* // Советская археология. — М., 1963. — № 3. — С. 316–317; *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историогр. очерки. — М., 2004. — С. 205–206, 227–244; ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 8–12.

105. Борис Алексеевич Куфтин (1892–1953) — этнограф. После окончания Московского университета — с 1919 г. — доцент Московского государственного университета, сотрудник Московского отделения Российской Академии истории материальной культуры, Института антропологии им. Д. Н. Анучина (с 1923 г. заведовал в последнем циклом «Народоведение»). С 1924-го — заведующий отделом Средней Азии и Сибири Центрального музея народоведения. Занимался экспедиционными исследованиями в Крыму в 1924–1928 гг. В 1930 г. выслан в Вологодскую область (до 1933 г.), после — сотрудник Государственного музея Грузии. С 1944-го — член-корреспондент, а с 1946-го — действительный член Академии наук ГрузССР. Последние годы жизни работал в Туркмении. См. о нем: *Дебец Г.* Памяти Б. А. Куфтина // Советская этнография. — М., 1954. — № 1. — С. 166–167; *Джанаридзе О. М.* К 100-летию со дня рождения академика Б. А. Куфтина // Российская археология. — М., 1993. — № 3. — С. 246–249.

106. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 137.

107. Факт приглашения на работу в Крымский педагогический институт им. товарища М. В. Фрунзе — неизвестная страница биографии выдающегося советского тюрколога Николая Константиновича Дмитриева (1898–1954). После окончания с Золотой медалью гимназии в Москве, он в 1916–1920 гг. обучался на классическом отделении историко-филологического факультета Московского университета. (С 1918 по 1922 г. Дмитриев одновременно обучался и в Лазаревском институте восточных языков.) Ученый в совершенстве владел более чем 30 иностранными языками. В 1921 г. Николай Константинович был избран на должность младшего научного сотрудника Научно-исследовательского института языка и истории литературы Российской АН. В 1923–1925 годах он работал старшим научным сотрудником фундаментальной научной библиотеки Лазаревского института восточных языков. В 1925 г. молодой ученый защитил кандидатскую диссертацию «Элементы турецкого языка в сербском фольклоре». Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Дмитриева, если бы в ноябре 1925 г. в Симферополе нашлась для него штатная единица преподавателя... Оставшись в Москве, Дмитриев вскоре стал преподавать в Московском, а со временем — и в Ленинградском университетах. По приглашению А. Н. Самойловича московский ориенталист также преподавал в Ленинградском институте живых восточных языков. Предметом постоянного научного интереса Дмитриева были современные тюркские языки Кавказа, Крыма, Поволжья и Приуралья, фольклор тюркских народов, проблемы взаимовлияния славянских и тюркских языков (Turco-Slavia). В 1934–1937 гг. Дмитриев руководил крымскотатарским отделением ленинградских (позже — были перенесены в Москву) курсов редакторов-переводчиков трудов марксизма-ленинизма. В 1938–1954 гг. — заведующий тюркским сектором НИИ языка и письменности АН СССР. Возглавлял кафедры тюркской филологии в ЛГУ и МГУ. См. о нем: *Арахин В. Д.* Николай Константинович Дмитриев (1898–1954). — М., 1972. — (Замечательные ученые Московского ун-та; Вып. 42); *Благова Г. Ф.* Из архивного наследия Н. К. Дмитриева

ва: Фрагменты писем к нему академиком И. Ю. Крачковского и С. А. Козина // Вопросы тюркской филологии / Ин-т стран Азии и Африки РАН. — М., 1999. — Вып. 4: Материалы Дмитриевских чтений к 100-летию со дня рождения. — С. 14–20; Автобиография проф. Н. К. Дмитриева / Публ. Ф. Д. Ашнина // Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения / Ред. колл. Г. Ф. Благова и др. — М., 2001. — С. 112–123; Севортян Э. В. Из истории развития советской тюркологии: Памяти Н. К. Дмитриева // Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка. — М., 1955. — Т. 14, вып. 2. — С. 156–169.

108. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 144 об.

109. Там же, л. 145.

110. Осман Нури-Асанович Акчокраклы (1878–1938) — писатель, историк, педагог. Преподавал каллиграфию на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. И. Ю. Крачковский посещал эти занятия. В революционные годы переехал в Крым. В 1921 г. по его инициативе и непосредственном участии был открыт музей Исмаила Гаспринского. С 1922 г. — преподаватель Крымского университета. В крымоведении Акчокраклы утвердился как археолог, фольклорист, историк, эпиграфист. См. о нем: Урсу Д. П. Ученики и соратники И. Гаспринского // Исмаил бей Гаспринский — великий сын крымскотатарского народа: М-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 150-летию со дня рождения И. Гаспринского. — Симферополь, 2003. — С. 36–37.

111. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 145.

112. Таврическое общество истории, археологии и этнографии — правопреемник (с 1923 г.) Таврической ученой архивной комиссии.

113. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 159 об.–160.

114. Там же, д. 592, л. 40–41.

115. Речь идет о ленинградских академиках, которые являлись членами Таврического общества истории, археологии и этнографии.

116. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 592, л. 43 об.

117. Там же, л. 59–59 об.

118. Там же, л. 61–62.

119. См. об А. Н. Деревницком: *Непомнящий А. А.* Подвижники крымоведения. — Симферополь, 2006. — Т. 1. — (Библиография крымоведения; Вып. 7). — С. 187–204.

120. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 163.

121. Там же, л. 72 об.

122. Там же, л. 165–165 об.

123. Полина Яковлевна Чепурина (1880–1947) — музейный работник, этнограф и краевед Крыма. С конца 1920 г. — заведующая археолого-этнографическим (краеведческим) музеем в Евпатории. Автор серии исследований по истории и этнографии караимов и крымских татар. См.: *Рославцева Л. И.* Вклад П. Я. Чепуриной в собирательство и изучение предметов быта крымских татар // Исмаил Гаспринский — просветитель народов Востока: К 150-летию со дня рождения: М-лы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. и сост. С. М. Червоная. — М., 2001. — С. 263–267; *Хлівнюк О. В.* Охорона і вивчення культурної спадщини кримських татар (20-30-і роки ХХ століття) // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; УТОПІК. — Київ, 2006. — Вип. 10. — С. 82–93; *Хлівнюк О. В.* Налагодження

справи охорони кримськотатарських пам'яток у Криму в 20-х — на початку 30-х років ХХ ст. // Нові дослідження пам'яток Козацької доби в Україні: Зб. наук. ст. / Центр пам'яткознавства НАН України та УТОПК. — Київ, 2007. — Вип. 16. — С. 458–468; Шудря Є. С. Подвижниця народного мистецтва: Біобібліогр. нариси / За ред. М. Р. Селівачова. — Київ, 2005. — Зошит 2. — С. 14–16.

124. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 147–148.

125. Там же, л. 165 об.–166.

126. Там же, л. 72 об.

127. Там же, д. 592, л. 15 об.–16.

128. См. подробнее: *Бердинских В. А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. — М., 2003. — (Historia Rossica). — С. 141–151; *Заремба С. З.* Нариси з історії українського пам'яткознавства / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК. — Київ, 2002. — С. 48–52; *Непомнящий А. А.* «Праці» Археологічних з'їздів (1869–1911) як джерело для складання біобібліографії істориків-кримознавців // Наукові праці Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського. — Київ, 2003. — Вип. 10. — С. 230–247.

129. См. о Керченской археологической конференции: *Бороздин И. Н.* Археологические памятники юга СССР и Керченская археологическая конференция // Новый Восток. — М., 1926. — № 15. — С. 189–201; *Гриневич К. Э.* Керченская археологическая конференция // Крым. — М.; Л., 1927. — № 1 (3). — С. 192–193; *Зуммер В. М.* Тюрко-татарская секция конференции археологов в Керчи (5–10/IX 1926): Из опыта Педагогическому факультету // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Сер.: Обществ. науки. — Баку, 1926. — Т. 6/7. — С. 247–262; *Маркевич А. И.* Керченская конференция археологов // Seminarium Kondakovianum = Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. — Прага, 1927. — Т. 1. — С. 319–321; *Мацулевич Л.* Конференция археологов СССР в Керчи // Сообщения / Гос. Академия истории материальной культуры. — Л., 1926. — Т. 1. — С. 271–286; О Конференции археологов в Керчи // Пути коммунистического просвещения. — Симферополь, 1926. — № 10/11 (20/21). — С. 92.

130. Николай Яковлевич Марр (1864–1934) — российский, советский востоковед-языковед. После окончания в 1888 году факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета и совершенствования знаний в Германии и Италии (1894–1896 гг.) защитил докторскую диссертацию по разряду словесности (1901 г.). С 1912 г. — действительный член Академии наук. В 1911–1919 гг. — декан факультета восточных языков столичного университета. Создатель и председатель Академии истории материальной культуры (с 1919 г.). Создатель и директор Яфетического института (1921 г.). В 1924–1931 гг. — директор Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрин. С 1930 г. — вице-президент Академии наук СССР. См. о нем: *Миханкова В. А.* Н. Я. Марр: Очерк его жизни и научной деятельности. — 3-е изд. — М.; Л., 1949; Микола Якович Марр (1864–1934): Бібліогр. покажчик / Упоряд.: Ю. Л. Мосенкіс, А. О. Пучков; За заг. ред. М. М. Дьоміна. — Київ, 1994.

131. Яфет (Иафет) — один из трех сыновей Ноя, согласно преданиям ставший родоначальником народов Севера. В 1920-е гг. Н. Я. Марр широко пропагандировал «Яфетическую лингвистическую тефию» — «Новое учение об языке», признанную впоследствии лженаучной. См.: *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию: Избр. работы. — М., 1968; *Аллатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм.

— Изд. 2-е. — М., 2004.

132. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 177–178.

133. См. об этом: *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. — Симферополь, 2005. — (Биобиблиография краеведения; Вып. 3). — С. 140–148.

134. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 592, л. 18–18 об.

135. Там же, л. 19.

136. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 211, л. 7.

137. См. о деятельности Российского общества по изучению Крыма — Общества по изучению Крыма: *Севастьянов А. В.* «...Работа Российского общества по изучению Крыма является в интересах Крыма крайне желательной...»: Документы архивов свидетельствуют // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2006. — № 12/13. — С. 128–152. Об участии Филоненко в работе этой организации см.: *Севастьянов А. В.* Доклад В. И. Филоненко «Очередные задачи современной крымской этнографии и работа Общества по изучению Крыма» — неизвестный источник по истории краеведения Крыма в 20-е гг. XX в. // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2005. — № 10. — С. 129–140. Съезд проходил в Симферополе 16–18 апреля 1927 г. Согласно его резолюциям Общество из всероссийского трансформировалось во всесоюзное. Принимался новый устав организации.

138. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 210.

139. См.: Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 г.: По случаю столетия Херсонесских раскопок / Под ред. *А. Н. Деревицкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста*; Херсонесский музей. — Севастополь, 1927.

140. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 219 об.

141. Николай Александрович Медников (1855–1918) — доктор арабской словесности, профессор Санкт-Петербургского университета. Образование получил в Collège Cantonal (Лозанна) и столичной частной гимназии Бычкова (в 1874 г.). Окончил Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду (1887 г.). С осени 1890 г. — приват-доцент университета. Докторскую диссертацию защитил в 1902 году, с 1903-го — ординарный, с 1915-го — заслуженный ординарный профессор. Чувствуя недомогание, летом 1917 г. Медников уехал в Старый Крым, где умер 26 октября 1918 г. Похоронен на православном кладбище. См.: ПФИВРАН, ф. 78, оп. 1, д. 1: *Гульбин Г. Г.* Био-библиографический словарь русских и советских арабистов / Под ред. И. Ю. Крачковского. — Л., 1940; *Крачковский И. Ю.* Памяти Н. А. Медникова (ум. 26 октября 1918 г.) // *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения: В 6 т. — М.; Л., 1958. — Т. 5. — С. 195–210.

142. Там же, л. 224–225, 226 об., 242–245, 247–250, 265–266.

143. Цит. по: *Урсу Д. П.* Востоковед профессор В. И. Филоненко... — С. 12. Памятник не сохранился. В личном архивном фонде Крачковского нами выявлен «Проект надгробного» памятника на могилу Н. А. Медникова. Чертеж 46 x 53 см, датирован 1926–1928 гг. См.: ПФАРАН, ф. 1026, оп. 5, д. 46, л. 1.

144. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 592, л. 67–68.

145. П. Я. Чепурина была отстранена от должности директора археолого-этнографического музея в Евпатории. Этот пост занял Яков Георгиевич Благодарный (1882–1942?). См. его анкету: ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 10, л. 8.

146. Хранителями караимского книжного фонда «Карай-Битиклиги» были: Сима Саадьевич Ельяшевич (1879–1933) (См. о нем: Караимская народная энциклопедия. — СПб, 2006. — Т. 5: Культура крымских караимов (тюрков) / Сост. М. М. Казас, Р. А. Айбаз. — С. 318–319) и Борис Саадьевич Ельяшевич (1881–1971). См. его анкету: ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 248, л. 71.

147. Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета.

148. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 261, 261 об., 262.

149. К 1929 г. существовавший в Москве Румянцевский музей был уже ликвидирован. Бывшая библиотека музея превращена во Вторую Всероссийскую публичную библиотеку (впоследствии — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина). Я. И. Гурлянд являлся сотрудником этой библиотеки. В 1929 году он предпринимал попытки перевезти из Евпатории в Москву караимскую библиотеку. Им были вывезены лишь отдельные издания.

150. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 292 об., 293, 293 об.

151. Михаил Николаевич Соколов (1890–1937) — семитолог (гебраист и арабист). Ученик Крачковского по столичному университету. Был одним из немногих, кто носил передачи Крачковскому, когда тот был арестован. В 1926–1927 гг. руководил разбором, описанием книжного и рукописного собраний, переводом в Ленинград рукописей караимской национальной библиотеки Карай-Битиклиги (более 1000 единиц). См. о нем: *Васильков Я. В.* Только об одном востоковеде...: Гебраист Михаил Николаевич Соколов, 1890–1937 // In Memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. — М.; СПб, 1995. — С. 233–252.

152. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 340–340 об.

153. Вульф Лейбович (Владимир Львович) Дашевский указывал в своих анкетах, что он — украинец по национальности — был выпускником Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине и Факультета восточных языков столичного университета, где под руководством Д. А. Хвольсона он занимался по еврейско-сирийско-арабскому разряду. Изучал одновременно и арабско-персидско-турецкие разговорные языки. Участвовал в Русско-Японской, Первой мировой и Гражданской войнах. Член ВКП(б) с 1917 г. После демобилизации находился на партийной и административной работе в провинции. Последствия контузии на фронте привели его к инвалидности. Дашевский переехал в Ленинград, где до 1930 г. не работал; жил на пенсию. С 1930-го — заведующий Рукописным отделом Института востоковедения АН СССР. Одновременно до осени 1934 г. возглавлял Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вскоре Дашевский занял должность ученого секретаря Института востоковедения АН СССР, сотрудничал в Еврейском кабинете Института. Отношение коллег-востоковедов к Дашевскому было неоднозначным. Он не имел печатных работ. К автобиографии для личного дела он приложил список своих трудов, которые все обозначены как рукописные. Среди его коллег звучали и обвинения в связях Дашевского с ГПУ. С 1930-го активно включился в изучение, описание и перевозку в Ленинград караимских и крымчакских собраний, хранившихся в Крыму. В апреле 1935 г. внезапно вновь оформил инвалидность, уволился из Института и без огласки покинул Ленинград. Уехал в Бахчисарай, где занял должность директора Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры. Уволен 2 февраля 1937 г., 18 февраля арестован. Во время следствия по показаниям его сестры было установлено, что Дашевский — еврей,

не имеет не только высшего, но и среднего образования, до 1914 г. безвыездно проживал в Одессе и работал музыкантом. В мае 1930-го, во время командировки в Крым от Института востоковедения АН СССР, при помощи Исаака Самуиловича Кая (1887–1956) Дашевскому удалось получить от частных лиц и привезти в Ленинград, согласно отчету, 6 книг, 32 рукописи и 14 фрагментов рукописей. Эта поездка сформировала в Институте мнение о нем как о специалисте. Не имея образования, он решил заняться тем, что было ему под силу: сбором документальных материалов. Сумев по прибытии в Бахчисарай быстро добиться смещения с должности бывшего после У. А. Боданинского директора музея Файкова, Дашевский занял этот пост. Однако выявил полное незнание дела. За шесть месяцев работы — два месяца отпуска, 72 дня командировок и частое отсутствие из-за болезни. Уже тогда проверяющие из комиссии обкома ВКП(б) обнаружили, что указанная им в анкете информация об окончании двух вузов и знании «иностранных и восточных» языков неверна. Оправдываясь, в служебной записке секретарю обкома партии Дашевский написал, что окончил Сорбонну! Умер в заключении 25 июля 1942 г. См. о нем: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / Ин-т востоковедения АН СССР; Редкол.: А. П. Базиянц и др. — М., 1972. — С. 550; Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Подг. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. — СПб, 2003. — С. 143; *Омельчук Д. В.* Гражданин Дашевский, кто Вы? // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Бахчисарайский гос. историко-культурный заповедник. — Симферополь, 2001. — Вып. 2. — С. 475–483; Реабилитированные историей: Автономная Республика Крым / М. Р. Акулов и др. — Киев; Симферополь, 2005. — Кн. 2. — С. 227; *Шилов Л. А.* Дашевский Владимир Львович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биобиблиогр. словарь / РНБ. — СПб, 2003. — Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1931–1945. — С. 193–194. См. личное дело В. А. Дашевского — сотрудника Института востоковедения АН СССР: ПФИВРАН, ф. 152, оп. 3, д. 196, л. 1–45.

154. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 377 об.

155. *Филоненко В. И.* Крымские цыгане // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. — Л., 1930. — Т. 5. — С. 329–342.

156. К этому времени уже ежегодно выходили в Симферополе «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии» и «Известия Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе». Филоненко в каждом номере этих журналов печатал интересные краеведческие разработки.

157. Настоящая фамилия — Михаил Павлович Вельтман (1871–1927).

158. *Павлович М. П.* Восток в борьбе за независимость. — М., 1980. — С. 77–78.

159. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 153, л. 3.

160. Там же, оп. 3, д. 922, л. 300.

161. Там же, д. 923, л. 55 об. О сложной обстановке, сложившейся в Крымском педагогическом институте им. М. В. Фрунзе в связи с желанием партийного руководства убрать из вуза старые кадры и провести свою кандидатуру на пост ректора, см.: *Непомнящий А. А.* Подвижники крымоведения... — С. 201–204.

162. Николай Львович Эрнст (1889–1956) — историк, археолог. См. о нем: *Бибіков С. М.* Микола

Львович Ернст: До 75-річчя з дня народження // Археологія. — Київ, 1964. — Т. 16. — С. 232–233; *Храпунюв І. М.* Микола Львович Ернст // Археологія. — Київ, 1989. — № 4. — С. 111–115.

163. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 923, л. 57–57 об.

164. Там же, оп. 2, д. 6, л. 331.

165. Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1929 год: В 2 ч. — Л., 1930. — Ч. 2: Отчет о научных командировках и экспедициях. — С. 189.

166. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 331.

167. Отчет о деятельности Академии наук... — С. 189.

168. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 332.

169. Там же, оп. 3, д. 592, л. 4. Речь идет о научной экспедиции Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае совместно со Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения. Работы финансировались Совнаркомом Крымской АССР.

170. Там же, л. 4 об.–5.

171. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 144, л. 5. Эдуард Яковлевич Бэр — представитель КрымОХРИСа в Старом Крыму, смотритель памятников старины города Старый Крым.

172. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 6, л. 334 об.

173. Там же, л. 335.

174. Цит. по: *Долинина А. А.* Невольник долга... — С. 253.

175. ГААРК, ф. Р-3864, оп. 1, д. 343, л. 15–17.

176. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 359.

177. Там же, д. 37, л. 146 об.

178. См. об этом: *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. — Симферополь, 2005. — (Биобиблиография крымоведения; Вып. 3). — С. 229–262. О судьбе архива А. И. Маркевича см.: *Севастьянов А. В.* Свидетельство дочери, или Еще раз о судьбе личного архива и библиотеки Арсения Маркевич // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2007. — № 17. — С. 235–237. Автором аргументирована несостоятельность домыслов о вывозе архива и библиотеки Маркевича в Румынию. Не имея возможности опубликовать в Крыму свои научные разработки Маркевич с конца 20-х годов постоянно обращался к своим ленинградским друзьям-академикам с просьбой помочь «пристроить» тот или иной материал («статейку»). Более других симферопольский краевед беспокоил по этому вопросу Сергея Федоровича Платонова (1860–1933). (См. подробнее: *Непомнящий А. А.* «Пока оберегаем и спасаем...»: Неизвестные материалы...). В этой связи интересно одно из писем С. Ф. Платонова к И. Ю. Крачковскому (от 27 декабря 1928 года):

«Многоуважаемый Игнатий Юлианович!

Сюжет предлагаемой статьи А. И. Маркевича, может быть, Вас интересует. Если Вы взглянете на нее, я буду спокойнее, хотя лично ничего сомнительного в ней, в ее теперешнем виде, не нахожу. Во всяком случае, от себя перешлите ее в Издательство. За что заранее приношу Вам мою благодарность.

Преданный Вам С. Платонов».

См.: Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. — М., 2003. — Т. 1: Письма С. Ф. Платонова, 1883–1930. — С. 272. Очевидно, что Сергей Федорович хотел разделить ответственность за ре-

комендацию статьи Маркевича в академическом издании со своим коллегой. Из текста послания видно, что статью переделывали («в ее теперешнем виде»). На требования своих друзей сократить объем и отредактировать формулировки Арсений Иванович постоянно жаловался в своих письмах.

179. *Таксер А.* Апологетика колонизаторской политики царизма в Крыму // Новый Восток. — М., 1930. — № 28. — С. 232–239. — Рец. на ст.: *Маркевич А. И.* Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР: Сер. 7: Отд. гуманитарных наук. — Л., 1928. — № 4/7. — С. 375–405; 1929. — № 1. — С. 1–16. Критик «своей основной обязанностью перед советской общественностью» считал «вскрыть реакционный характер статьи». Давая оценку исследованию Маркевича, он определил: «Имеем дело с сознательным искажением исторических фактов в целях оправдания варварской колонизационной политики царизма». Удар был направлен не только против автора — Маркевича, но и против академика Платонова, который представил статью в Академию наук.

180. Агатангел Ефимович Крымский (1871–1992) — украинский востоковед, академик. После обучения в Лазаревском институте восточных языков (1892–1896 гг.) и на историко-филологическом факультете Московского университета (1896–1898 гг.) преподавал арабский, персидский, турецкий языки и историю стран мусульманского Востока в Лазаревском институте восточных языков. Профессор этого учебного заведения с 1900 г. С 1918-го — профессор Киевского университета (до 1941 г. с небольшими перерывами). В 1921–1929 гг. возглавлял Институт востоковедения в Киеве. Секретарь Всеукраинской академии наук. В 1930-е гг. Крымский был отстранен от научной работы в академических учреждениях. В 1930 г. увидел свет специальный крымоведческий выпуск Филологической кафедры Историко-филологического отделения Всеукраинской академии наук, который назывался «Студії з Криму». В сборник вошло девять исследований ведущих крымских и украинских историков (О. Н.-А. Акчокраклы, А. Е. Крымский, А. И. Маркевич, А. П. Оглоблин, Л. Окиншевич, К. В. Харлампович, Я. М. Якуб-Кемаль). Маркевич поместил здесь очерк «З культурної минушини Криму ХІХ в.». Материал был переведен на украинский язык киевскими специалистами, которые не могли досконально знать персоналии крымской истории. В этой связи при переводе на украинский язык многие инициалы были оставлены в русской транскрипции. См.: Збірник історично філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. — Київ, 1930. — № 89: Філологічна кафедра під керуванням А. Е. Кримського, Тюркологічна комісія, № 2: Студії з Криму. — С. 107–158. См. републикацию этого материала с исправлением инициалов крымоведческих персоналий исследования Маркевича: *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. — С. 337–414. См. об А. Е. Крымском: Агатангел Крымский: Нариси життя і творчості / Відп. ред. О. Д. Василюк, Ю. М. Кочубей, Е. Г. Циганкова; Ін-т сходознавства НАН України ім. А. Кримського. — Київ, 2006; *Гурницький К. И.* Агафангел Ефимович Крымский. — М., 1980. — (Русские путешественники и востоковеды); Епістолярна спадщина Агатангела Кримського (1890–1841) / Ін-т сходознавства ім. А. Кримського НАН України: У 2 т. — Київ, 2005; *Непомнящий А. А.* Страницы из истории изучения крымско-татарского народа в начале XX века // Мечети и мизары татар Беларуси, Литвы и Польши: К 100-летию второй Минской мечети: М-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / Мусульманское религиозное объединение в Республике Беларусь. — Новогрудок, 2003. — С. 108–123.; *Павличко С.* Націоналізм, сексуальність, орієнталізм: Складний світ Агатангела Кримського. — Київ, 2001; *Циганкова Е. Г.* Сходознавчі установи в Україні: Радянський період / Передм. О. Прицака. — Київ, 2007.

181. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 592, л. 84 об.–85.
182. Там же, л. 81 об. См. о В. В. Бартольде: *Акромов Н. М.* Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд: Научно-биографический очерк / Под ред. *Б. А. Литвинского*. — Душанбе, 1963; *Кононов А. Н.* В. В. Бартольд — выдающийся востоковед: К 40-летию со дня смерти // Советская тюркология. — Баку, 1970. — № 6. — С. 56–61; *Крачковский И. Ю.* В. В. Бартольд в истории исламоведения // Известия Академии наук СССР: Отд. обществ. наук. — Л., 1934. — № 1. — С. 5–18; *Умняков И. И.* Аннотированная библиография трудов академика В. В. Бартольда. — М., 1976. — С. 7–229.
183. В. В. Бартольд являлся членом Таврической ученой архивной комиссии (с 1923 г. — Таврического общества истории, археологии и этнографии) с 3 сентября 1916 г.
184. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 592, л. 87–88.
185. См. подробнее: *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: Страницы истории... — С. 211–212, 231–232, 240, 255.
186. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 255–255 об.
187. См. об этом: *Непомнящий А. А.* Исследования Н. С. Державина в контексте историко-этнографического изучения Крыма в последней трети XIX — первой трети XX века // Буковинский историко-этнографічний вісник. — Чернівці, 2001. — Вып. 3. — С. 78–80; *Непомнящий А. А.* З історії кримського краєзнавства в 30-і роки XX століття: За неопублікованим листуванням А. І. Маркевича // Краєзнавство. — Київ, 2005. — № 1/4. — С. 161–171.
188. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 99.
189. Там же, д. 923, л. 36–37.
190. Анатолий Алексеевич Соколов (1888–?) был исключен из 7 класса гимназии в 1905 г. за революционную деятельность. Образование получил в Берлине (Семинар восточных языков) и Париже (Школа живых восточных языков). В 1908 г., по возвращении в Россию, сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил в спецклассы Лазаревского института восточных языков, которые окончил в 1912-м. Работал преподавателем в Казахстане, откуда был мобилизован на Первую мировую войну. Позже — работал в московских вузах и Книжной палате. В 1927–1929 гг. — преподаватель Крымского педагогического института им. товарища М. В. Фрунзе. См. о нем: *Урсу Д. П.* Новые архивные материалы по истории востоковедения в Крыму // Востоковедный сборник / Таврич. экологич. ин-т. — Симферополь, 2000. — Вып. 4. — С. 9–10.
191. Преобразование Крымского университета имени товарища М. В. Фрунзе в Педагогический институт состоялось в 1925 г.
192. Филоненко путается в датах. Имеется в виду депортация крымскотатарского народа из Крыма в мае 1944 года.
193. ИИМК РАН НА РА, ф. 32, оп. 1, д. 64, л. 1–3.
194. ЦГАМЛИУ, ф. 149, оп. 1, д. 183, л. 1–1 об.
195. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 923, л. 41 об.
196. Там же, л. 86–86 об.